

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА
**XVI Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Материалы конференции филологического факультета

Красноярск, 29 апреля 2015 г.

Электронное издание

Красноярск
2015

ББК 74.0
М 754

Редакционная коллегия:
О.А. Шереметьева (отв. ред.)
Т.Н. Садырина
В.Н. Замыслова

М 754 Молодежь и наука XXI века: XVI Международный форум студентов, аспирантов и молодых ученых. Актуальные проблемы филологии: материалы конференции филологического факультета. Красноярск, 29 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. О.А. Шереметьева; ред. кол. – Электрон. дан. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2015. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-85981-896-9

ББК 74.0

ISBN 978-5-85981-896-9

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Литература и методика её преподавания

<i>Механошина Н.С.</i> Образ учителя в рассказах Ю.Я. Яковлева.....	4
<i>Васильева В.В.</i> Особенности построения пьесы Лоры Каниннгем «Девичник»	7
<i>Вохрамеева А.А.</i> Методическая разработка урока внеклассного чтения в 6 классе «Другое время» по произведению А. Жвалевского и Е. Пастернак «Время всегда хорошее»	11
<i>Дрянговская Я.В.</i> Балладный сюжет «сестра убивает сестру» в фольклорной традиции Красноярского края	14
<i>Кудрева В.А.</i> Свадебный фольклор Кежемского района	18
<i>Помарина Т.Е.</i> Проблемы организации конкурса исполнителей художественного слова в современных условиях	21
<i>Тарасенко Н.С.</i> Свадебный обряд деревни Данилки Тасеевского района	25

Лингвистика

<i>Боровик Т.С., Пихутина В.И.</i> Прецедентные антропонимы в романе Татьяны Толстой «Кысь»	29
<i>Ван Ди.</i> Одоративная лексика в русском и китайском языках.....	31
<i>Герман А.С.</i> Способы субъективации авторского повествования в романе З. Прилепина «Черная обезьяна».....	34
<i>Елисеев Н.Н.</i> Сложные слова и полукальки среди заимствованной лексики русского языка	38
<i>Захарова И.А.</i> Ассоциативное поле «город» в восприятии жителей Приенисейской Сибири.....	41
<i>Курчатова О.И.</i> Художественное время в аспекте лингвотекстологии.....	46
<i>Плетнёв Д.С.</i> Изучение фрагмента языкового сознания методом семантического дифференциала (на материале тематической группы «образование»)	52
<i>Соколовская Д.А.</i> Выразительно-изобразительные средства языка в песенных текстах группы «БИ-2».....	55
<i>Устинович Ю.</i> Категория оценочности в политическом дискурсе (на материалах речи Владимира Жириновского	59
<i>Устьянцева Е.В.</i> Ассоциативное поле «хлеб» как инструмент анализа значения данного слова.....	62

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В РАССКАЗАХ Ю.Я. ЯКОВЛЕВА

Н.С. Механошина

*Научный руководитель Н.В. Уминова, канд. пед. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Педагогическая профессия является одной из самых важных профессий, существующих на Земле. Имея в качестве цели своей деятельности становление и преобразование личности, педагог призван управлять процессом ее интеллектуального, эмоционального и физического развития, формирования ее духовного мира.

Не случайно во все времена образ учителя интересовал писателей своим разнообразием типов. Примеры сатирического изображения учителей встречаем в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» и романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

В повести Л.Н. Толстого «Детство» автор знакомит читателей с учителем Николеньки Иртеньева – Карлом Иванычем и акцентирует внимание на доброте немца в повседневной жизни, а также на требовательности педагога на занятиях.

У А.П. Чехова видим другой образ учителя. Сатирические персонажи Беликов (рассказ «Человек в футляре»), Никитин и Рыжицкий (рассказ «Учитель словесности») противоположны толстовскому Карлу Иванычу. Эти герои не вызывают симпатии, они погрязли в пошлости. Эти люди живут в футляре и не способны от него избавиться.

В XX в. литературную традицию продолжает В.Г. Распутин. В своем рассказе «Уроки французского» автор представил положительный образ учительницы Лидии Михайловны, которая стала для главного героя не только наставницей, но и преданным другом.

Учителя в XX в. приобретают новую роль в становлении человека будущего. Нравственность и толерантность остаются их главными отличительными особенностями.

Настоящим классиком детской литературы XX в. по праву считается писатель Ю. Яковлев. Его творчество вызывает читательский интерес прежде всего нравственно-психологической проблематикой, актуализацией вопросов, волнующих подрастающее поколение: взаимоотношения взрослых и детей, личность и коллектив, первая любовь и т.д.

Тексты Ю. Яковлева представляют читателю некий нравственный идеал. Многие произведения писателей посвящены школьной теме. Ю. Яковлев отличается от других писателей современников тем, что по-своему видит школьную жизнь, по-другому изображает взаимоотношение личности и коллектива, ученика и педа-

гога. В литературоведении нет концептуальных исследований, которые посвящены изучению школьной темы, образу учителя в творчестве Ю. Яковлева. Отдельные литературоведы обращали внимание на труды писателя, обозначали разные этапы развития творчества Ю. Яковлева (В.В. Медведев, Л. Пирогов, Ю.И. Дюжев и др.).

Обозначим специфику раскрытия образа учителя в произведениях Ю. Яковлева.

Центральный образ многих рассказов Яковлева – образ подростка. Но дети раскрывают свой характер через взаимодействие с учителями. При анализе рассказов Ю. Яковлева мы выделили **три типа** учителей:

- Меняющийся учитель.
- Учитель-формалист.
- Учитель, понимающий ребенка.

В рассказах «Багульник», «Собирающий облака», «Он убил мою собаку» представлен образ меняющегося учителя, переживающего внутреннюю эволюцию. Учителя этого типа меняются благодаря своим ученикам, которые, попадая в трудные ситуации, показывают свою стойкость, веру в лучшее, раскрывают перед учителем свою сущность.

Проиллюстрируем этот тип учителя рассказом «Собирающий облака». Зоя Назаровна – классный руководитель Малявкина, рядом с фамилией которого: «поставили большой жирный минус». «Этот минус появился еще в прошлом году. Класс был большой, а у Зои Назаровны не хватало времени толком разобраться во всех своих учениках. Она пригляделась, поразмыслила и в уме поставила перед каждым из них плюс или минус. Малявкину достался минус» [9, с. 287]. Учитель поставила этот минус для себя, «для служебного пользования», то есть ей так проще. Разделив всех учеников на хороших и плохих, Зоя Назаровна даже не подумала, как живут ученики с ее клеймом, о том, как может влиять на психику ребенка такое разделение, от которого не так легко избавиться. Единственный случай исправить этот «жирный минус» – сбор макулатуры. Но и тут к инициативе Малявкина никто серьезно не отнесся, потому что «все, что относилось к Малявкину, она считала несерьезным и вздорным» [9, с. 293]. Когда герой рассказа видит, что делают истопник и завхоз с «бумажной горой», которую он так упорно собирал, мальчик приходит в ужас. Ища помощи, герой снова сталкивается с безразличием Зои Назаровны, которая не послушала Малявкина и «не побежала в котельную спасать белые горящие облака». «Никакой новой жизни не будет» – думал мальчик. Все его надежды уплыли вместе с черными облаками» [9, с. 294].

Яковлев поднимает важную педагогическую проблему: нельзя заставлять детей делать бесполезную работу. Ребенок всерьез подумал, что стране нужна бумага. Для мальчика это было страшно: горел труд, вместе с черными облаками уплывали его надежды на новую жизнь. Коля в расстроенных чувствах шел домой, и вдруг ласковый голос учительницы, неожиданно позвавшей его по имени (прежде она называла его только по фамилии), возвращает мальчику веру в людей, в будущее, в то, что он сможет избавиться от того минуса, который мешает Коле раскрыться. «И вдруг кто-то окликнул его: – Коля! Мальчик вздрогнул от неожиданности и остановился. Его обычно звали Малявкиным или Малявкой... Он поднял глаза и увидел Зою Назаровну. Она почему-то не знала, что ска-

зять ему, и вид у нее был растерянный. И Зоя Назаровна показалась Малявкину большой девочкой, которую вызвали к доске, а она не знает урока. Он никогда не видел ее такой. И ему нравилась такая Зоя Назаровна» [9, с. 294].

Нам показана эволюция образа Зои Назаровны: от безразличной учительницы к чуткому и отзывчивому педагогу. Важно, что в момент преобразования героини автор показывает изменившийся портрет педагога: акцентирует в ней детские, естественные мотивы. Писатель показывает, что только тот взрослый человек, который способен вернуть в себе детские качества: естественность, искренность, может понять душевный мир ребенка.

Следующий тип – «учитель-формалист». Это учитель, не понимающий души подростков, их внутреннего мира. Он не хочет и не стремится измениться в лучшую сторону, пересмотреть свое отношение к детям. В повести «Гонение на рыжих» эта роль досталась Генриетте Павловне. Не случайно автор наделяет учительницу таким именем. В переводе с немецкого это имя означает «хозяйка, могущественная». Ей свойственны решительность, упрямство и твердость. Она преднамеренно унижает Таню, главную героиню, перед всем классом, когда видит, что та смотрит не на доску. Некоторое время учительница наблюдала за Таней: «Потом она сказала ледяным голосом: – Вьюник, не смотри на Князева. Она могла бы сказать: «Вьюник, слушай урок». Или: «Вьюник, не вертись». Но она сказала: «Вьюник, не смотри на Князева» [9, с. 117]. В этот момент глаза учительницы смеялись, издевались над девочкой: «Вот я тебя подловила! Теперь я над тобой покуражусь! Ха! Ха! Ха!» [9, с. 118]. Учительница делает ядовитые замечания не из подлости. Она просто молода и неопытна. После такого замечания девочка озлобляется, у нее нет желания ходить в школу, ведь там должен быть учитель, который помогает ученикам, понимает их, а не унижает. А Генриетта Павловна – педагог, не знающий психологии подростка, не чувствующий внутреннего состояния детей, не желающий пойти навстречу. Это педагог, требующий от учеников беспрекословного соблюдения правил и норм, лишенный духовной чуткости. Достаточно часто Яковлев использует прием антитезы.

Не случайно другой персонаж этой повести – «истинный учитель», тонкий психолог, понимающий душу подростка, оказывающий влияние на формирование личности ребенка, всегда готовый прийти на помощь в трудной жизненной ситуации – это Михаил Иванович (Зубр). У него большая жизнь, полная событий, радостных и главным образом тяжких. Он доверительно говорит с Таней, и она чувствует искренность старого учителя. Завуч школы встает на сторону Тани и пытается доказать Генриетте Павловне, что ребенок не может просто так, необоснованно ненавидеть своего учителя, что это именно она, Генриетта Павловна, ведет себя не как педагог-наставник, который должен очень аккуратно относиться к детям переходного возраста: «Придется вам проглотить эту пилюлю, – наконец сказал он» [9, с. 120]. Положительный характер персонажа оттеняется темой войны. Зубр, в свое время, прошел этот путь, был расстрелян, но чудом остался в живых. «Это не я... Это уже другой. Того убили и сбросили в противотанковый ров» [9, с. 114]. Когда Таня, не найдя понимания среди взрослых, хочет кардинально изменить свою жизнь (бросить школу, пойти работать в цирк), ей на помощь приходит

Зубр, человек наделенный жизненным опытом. «Она чувствовала доверчивую тягу к пожилому учителю». Нам показана его портретная характеристика: «Тане показалось, что Михаил Иванович похож на крупного зубра с косматой гривой, с выпуклыми глазными яблоками – на особенного зубра, который грозен с виду, но в жизни никого не обидит» [9, с. 114]. Антитеза внешней непривлекательности и внутренней красоты – характерная примета стиля Яковлева.

Проанализировав рассказы Юрия Яковлева, мы увидели, что типы учителей разнообразны. В повести «Гонение на рыжих» показан тип истинного учителя, тонкого психолога, оказывающего влияние на формирование личности ребенка, готового прийти на помощь подростку в трудной жизненной ситуации, дать нужный совет, поддержать ребенка. В рассказах «Собирающий облака», «Багульник», «Он убил мою собаку» – образ меняющегося учителя, который пересматривает свои взгляды на детей, на свою профессию. И «учитель-формалист» (в повести «Гонение на рыжих» (Генриетта Павловна): педагог, требующий от учеников беспрекословного соблюдения правил и норм, педагог, лишенный духовной чуткости.

Библиографический список

1. Арзамасцева И.Н. Детская литература: учеб. пособие для студентов средних педагогических учебных заведений. М.: Академия, 1997. 448 с.
2. Арзамасцева И.Н. Николаева С.А. Детская литература. М.: Академия, 2009. 472 с.
3. Детская литература: учеб. пособие для учащихся педагогических училищ / под ред. Е.Е. Зубаревой. М.: Просвещение, 1989. 399 с.
4. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие. 3-е издание. М: Флинта. Наука. 2000. 248 с.
5. Распутин В.Г. Век живи – век люби: Повести, рассказы / предисловие В. Курбатова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 648 с.
6. Тубельская Г.Н. Детские писатели России. Сто тридцать имен: Библиографический справочник. М.: Рус. шк. библ. ассоц., 2007. 492 с.
7. Фоменко Л.Н. Юрий Яковлев. Очерк. Оформл. Ю. Жигалова. М.: Дет. лит., 1974. 127 с.
8. Чехов А.П. Рассказы. Повести. М.: Дрофа: Вече, 2002. 480 с.
9. Яковлев Ю.Я. Рассказы: (Для среднего школьного возраста) Юрий Яковлев. М.: Избранное, 1992. 352 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПЬЕСЫ ЛОРЫ КАННИНГЕМ «ДЕВИЧНИК»

В.В. Васильева

*Научный руководитель С.Г. Липнягова, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Система новой драмы возникла как противопоставление предшествующим (например: классицистической, романтической) театральной системам, но тем не менее новая драма унаследовала их основные традиции.

Америка начала XX в. испытывала подъём в театральном искусстве; возникли новые жанры: водевиль, ревю и другие, а также происходила дальнейшая трансформация новой драмы. Драма *He and She* (Он и Она) (1911) американского драматурга и театрального режиссёра Рэйчел Крозерс, первой осветившая на сцене чисто женские вопросы, стала предтечей многих пьес, в том числе и пьесы «Девичник» [1; 6].

«Девичник» – это двухактная пьеса, созданная по произведшей фурор в США книге Лоры Каннингем «Прекрасные тела» / «Beautiful Bodies» (2002). Она была поставлена известным режиссером Олимпией Дукакис в «Whole Theatre». Лора Каннингем – это современный драматург, журналист и прозаик, с русскими корнями. Ее книга-воспоминание «Кто где спит», впервые появившаяся в журнале «Нью-Йоркер», выдержала пятнадцать изданий и стала современной американской классикой. Проза и статьи Л. Каннингем печатались в таких престижных журналах, как «The Atlantic Monthly», «The New York Times», «Vogue», «Harper's Bazaar» и многих других. Пьесы Каннингем с успехом идут в Нью-Йорке и в Лондоне, они включены в разные антологии. Лора Каннингем получила несколько престижных наград, в том числе гранты «Национальный вклад в искусство» сразу по двум категориям – литература и театр [8]. Следовательно, материал пьесы «Девичник» является малоизученным и актуальным.

Жанр пьесы «Девичник» режиссёры определяют как «посиделки с антрактом» (Сергей Алдонин) или же просто комедию (Ирина Хуциева) [3; 8]. Галина Качаева, режиссёр Красноярского «Нашего театра», определяет жанр этой пьесы как трагикомедию. Вместе с тем представляется, что это бытовая комедийная мелодрама, повествующая о столкновении с жизнью шести современных американок средних лет. Место действия драмы предельно ограничено – это большая студия в Нью-Йорке – «...Город, погружающийся в сумерки, бросает слабый отсвет на студию в районе Сохо, переделанную из фабричного помещения. Борьба хозяйки с индустриальным дизайном еще далека от завершения, но везде чувствуется женская рука: льется мягкий свет от торшера в стиле Арт Деко и двух-трех ламп с абажурами в теплых тонах. Мы видим слева кухню и дверь в ванную, а справа шахту грузового лифта. Вовсю идут приготовления к вечеринке, на пол в центре сцены брошены подушки. Здесь же стоит антикварного вида плетеная колыбель с верхом» [4]. Локальность места действия создаёт сильное эмоциональное напряжение за счёт концентрации эмоций и эффекта личного присутствия зрителей на импровизированном «девичнике».

Согласно сюжету в квартире у Джесси собираются её подруги по колледжу искусств. Повод для встречи – внезапная беременность одной из женщин [4]. Фактически весь первый акт занимает экспозиция, героини постепенно вводятся на сцену, демонстрируя зрителям свой обычный образ жизни и мыслей. С появлением на сцене Марты (антагониста), завязывается конфликт произведения. Интрига в «Девичнике» выражается в противостоянии внешнего благополучия каждой из героинь их внутреннему разладу, что позволяет отнести произведение к течению «новой драмы». «Новая драма» берёт своё начало с пьес таких драматургов, как Генрик Ибсен («Кукольный дом»), Антон Павлович Чехов («Вишнё-

вый сад»), Бернард Шоу («Дом, где разбиваются сердца»). Она характеризуется переносом смысловых акцентов с внешнего действия на внутренние мотивы человека: в центре оказывается психологическая подоплёка поступков персонажей, а также рефлексия, анализ происходящего. Ремарки в «новой драме» функционально взаимосвязаны с диалогом, паузы несут дополнительную смысловую нагрузку. Конфликт в «новой драме» морально-философский: его суть в противоречии между жизненными принципами персонажей и, собственно, реальной жизнью; разрешение конфликта остаётся за рамками произведения [2; 5; 7; 10].

В пьесе «Девичник», внешне конфликт проявляется во всеобщей неприязни подруг к Марте, успешной бизнес-леди с завышенной самооценкой. Имманентно конфликт выражен в несоответствии жизненных представлений персонажей с объективной реальностью.

Образы героинь представляют собой конкретные типажи женщин: «роковая женщина» (Нина), «домохозяйка» или «голубая героиня» (Джесси), «представительница богемы» (Лисбет), «бунтарка» (Клэр), «бизнес-вумен» (Марта), «неудачница» (Сьюзен). Каждая из этих женщин обладала мечтой, воплощение которой вступило в противоречие с действительностью. Джесси хотела большую и дружную семью, Нина мечтала стать нейрохирургом, Лисбет грезила о карьере известной модели, а Сьюзен не состоялась как актриса. Во втором действии у каждой героини есть мини-монолог. В них персонажи раскрывают своё истинное лицо и объясняют причины поступков, например:

ЛИСБЕТ. ...Каждый раз, когда звонит телефон, я подсакиваю, как ужаленная. Ту ночь и весь следующий день я почти не вставала. Пригелась, наверно. (На губах беспомощная улыбка.) А потом, уже не помню, в какой момент, меня стало бросать то в жар, то в холод. И кости сделались такие тяжелые-тяжелые. Я провалялась сутки. «Всё, его нет, – сказала я себе, – но я-то жива. Значит, худшее позади».... [4].

Традиция «срывать маски» ведёт своё начало с пьесы Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца»:

МЕНГЕН. Стыдно! Где тут стыд, в этом доме? Нет, давайте все разденемся догола. Уж если что делать, так надо доводить до конца. Морально мы все уж разоблачились догола [11].

В пьесе отсутствует явный протагонист. Это связано с тем, что все героини равны в своих проблемах друг перед другом и перед жизнью. Безусловным антагонистом является Марта. Она – успешная женщина, в скором времени выходящая замуж. В развязке пьесы обнаруживается и её несостоятельность в умении создать отношения с мужчиной. Главной причиной выхода замуж у Марты становится возможность сходить с супругом в ресторан:

1 акт. ...МАРТА. Ты лучше найди человека, с которым можно сходить в ресторан.

Лишь почувствовав к себе ненависть окружающих, она призналась и в собственном бессилии в построении личной жизни.

2 акт. ...ВСЕ. Не понимаю. Зачем он тебе?

МАРТА (не сразу отвечает). Будет с кем пойти в ресторан [4].

В пьесе присутствует большое количество ремарок, указывающих на действия, выражающие психологическое состояние персонажей (*испуганно смотрит на пустую тарелку; ложится на спину и изображаетдохлого таракана; поправляет* (кого-то) и т.д.), а также ремарки, передающие конкретные эмоции (напряглась, «завелась» и т.д.).

Персонажи беседуют разговорным языком, затрагивая в разговоре «чисто женские», бытовые темы: мужчины, средства для ухода за ребёнком, возраст и т.д.:

МАРТА (доставая все новые приспособления). ...бутылочки для молока... Держать в морозилке не больше двух недель. Свежее не добавлять, не то все оттает!

КЛЕР. Еще не родила, а молоко уже оттаивает...

МАРТА. Не страшно. Звонишь в «Молочную лигу», и в течение часа тебе доставляют свеженькое молоко! А это помпа! Я могла купить «суперпомпу» – она работает от сети, но эта компактнее [4].

В «Девичнике» присутствуют черты американского менталитета, например, обыкновение готовить пищу в исключительных случаях: для гостей или молодого человека. Пример из текста:

ЛИСБЕТ. Посмотрите на Джесси! (Все посмотрели). Однажды прихожу к ней без звонка, и знаете, чем она занимается? Варит себе уху!

МАРТА. Что ты делаешь с рыбьими головами?

ДЖЕССИ. Бросаю в морозилку [4].

Финал пьесы остаётся открытым, происходит лишь внешнее примирение сторон – угасание конфликта с Мартой. Развязка противостояния героинь собственной судьбе отсутствует.

«Девичник» – это двухактная бытовая комедийная мелодрама, с предельно ограниченным местом действия и развёрнутой экспозицией (1 акт). Конфликт завязывается с появлением на сцене антагониста (Марты), явный протагонист отсутствует. Внешне конфликт проявляется во всеобщей неприязни подруг к Марте, имманентно он выражен в несоответствии жизненных представлений персонажей с объективной реальностью, образы героинь представляют собой конкретные типажи женщин. Во втором действии у каждой героини есть мини-монолог, раскрывающий истинные причины их поступков. Пьесу можно отнести к течению «новой драмы», традиции которой исходят от произведений Бернарда Шоу, Генрика Ибсена и др. и характеризуются локализацией пространства, «срыванием масок» и т.д..

Библиографический список

1. Meserve, Walter J. An Outline History of American Drama, New York: Feedback/Prospero, 1994.
2. Адмони В., Ибсен Г.: Очерк творчества. URL: <http://www.norway-live.ru/library/genrih-ibsen-ocherk-tvorchestva12.html>
3. Видеоспектакль – Лора Каннингем: Прекрасные тела или девичник (Камерный молодежный театр)/2011. URL: <http://www.f-hd.ru/details.php?id=662778>

4. Каннингем Л. Девичник. URL: <http://videoteatr.in.ua/84-lora-kanningem-devichnik.html>
5. Лекции по истории театра. Г. Ибсен – отец «новой драмы». URL: <http://www.art-gamma.com/лекции/история-театра/зарубежный-театр-рубежа-хix-ххвв/г.ибсен-отец-новой-драмы.html>
6. Материал из Википедии. Новая драма. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новая_драма
7. Николаева Л. Ранняя драматургия М. Горького в историко-функциональном изучении: проблема интерпретации жанра пьес «Мещане», «На дне», «Дачники». URL: <http://dno2000.narod.ru/gl2.html>
8. Сайт театра НТП (независимый театральный проект), Девичник (постановка Сергея Алдонина). URL: <http://teatrntp.ru/shows/archive/devichnik/>
9. Сайт театра НТП (независимый театральный проект), Лора Каннингем. URL: <http://www.teatrntp.ru/persons/dramaturgs/laura-cunningham/>
10. Спэнкерен К. Краткая история американской литературы. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/spankeren/36.php
11. Шоу Б.Д. Дом, где разбиваются сердца. URL: <http://www.litmir.info/bd/?b=72416>

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УРОКА ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ В 6 КЛАССЕ «ДРУГОЕ ВРЕМЯ» ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК «ВРЕМЯ ВСЕГДА ХОРОШЕЕ»

А.А. Вохрамеева

*Научный руководитель **Н.В. Уминова**, канд. пед. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Современная литература для детей обладает не только своей спецификой, но и подчиняется законам, действующим в словесности вообще. Полифункциональность заложена в самой природе слова, однако разные культурно-исторические эпохи из множества функций выдвигают на первое место то одни, то другие. Педагоги, руководители детского чтения в силу своей социальной роли называют основные функции детской литературы: воспитательную и образовательную, коммуникативную, эстетическую, гедонистическую и риторическую [6, с. 86]. На наш взгляд, в настоящее время наиболее востребована воспитательная функция. Книга должна воспитывать и формировать нравственные качества личности, духовный мир школьника, так как через нее происходит передача нравственных ценностей и норм от одного поколения к другому поколению. От того какие книги читает ребенок, во многом зависит, каким человеком он станет. В этой связи значительна роль уроков внеклассного чтения, направленных на нравственное и эстетическое воспитание учащихся, расширение их читательского кругозора, воспитание интереса и любви к чтению, формирование читательской культуры.

Жанр школьной повести в современной литературе – один из самых популярных и востребованных жанров подросткового чтения. Ярким образцом такой со-

временной прозы на школьную тему можно назвать произведение А. Жвалева и Е. Пастернак «Время всегда хорошее», которое позволяет раскрыть наиболее острые нравственно-этические проблемы общества и внутреннего мира человека, поставленного жизнью перед необходимостью самостоятельно решать сложные вопросы личного и социального характера. Для того чтобы школьники смогли задуматься над актуальными проблемами современности, а также обратить внимание на социальную реальность, мы разработали урок внеклассного чтения «Другое время».

Цель урока: выявить своеобразие раскрытия школьной темы в произведении А. Жвалева и Е. Пастернак «Время всегда хорошее».

Задачи

1. Развивающие: развивать устную речь школьников.
2. Воспитательные: подвести учащихся к мысли о том, что время всегда хорошее, и только от личности, только от человека зависит, каким он станет; воспитывать интерес к чтению.
3. Образовательные: познакомить учащихся с писателями, с их повестью; познакомить с идеей произведения.

Необходимо начать урок с актуализации знаний учащихся, спросить, есть ли у них любимые книги, попросить рассказать о них. Это поможет учащимся включиться в работу и повысит их мотивацию к уроку.

Учитель дает краткую биографическую справку о А. Жвалева и Е. Пастернак, говорит о том, что они давние друзья и писательский дуэт. Встретились на физическом факультете Белорусского государственного университета, не только вместе решали задачи по физике, но еще играли в студенческом театре и в команде КВН. Через несколько лет они уже совместно написали первую книгу. Важно отметить, что сама идея написания повести «Время всегда хорошее» родилась после того, как Евгения Пастернак пыталась объяснить своей дочери, что такое школьная форма и пионерский галстук: *«Я Сашке долго рассказывала-рассказывала, а потом подумала: прикольно было бы написать, как она попала в мое детство и что бы она там делала со своей независимостью суждений и характером»* [5].

Следующий этап активизации творческого мышления учащихся реализуется посредством такого метода как беседа, учащимся предлагается поразмышлять на тему «Школа будущего, какой вы ее себе представите».

Далее учитель читает фрагмент повести «Время всегда хорошее», после этого приступаем к работе над текстом. Заинтересовать школьников и раскрыть главную идею произведения учителю помогут качественно продуманные, четко сформулированные и логично составленные вопросы. Например: какой видят школу в будущем авторы книги? Что вам показалось странным в этом фрагменте? Может, что-то удивило? О какой проблеме идет речь в этом отрывке?

Суть произведения учащиеся окончательно смогут постичь только лишь при сопоставлении двух реальностей, показанных в повести. Поэтому уместно будет проверить заранее подготовленное учениками задание: поинтересоваться у роди-

телей, бабушек и дедушек, в какой школе они учились, каковы особенности советской школы. Сравниваем это с авторским видением школы «прошлого», читаем следующий отрывок из текста, проводим анализ художественного произведения, решая при этом поставленные задачи урока. Примерные вопросы: что указывает на то, что речь идет о прошлом, о советском времени? Что для Вити было радостью? А для Оли? Как вы думаете, какое время лучше? 1980 годы или 2018? Или все-таки время всегда хорошее? Судя по двум прочитанным фрагментам, какое время больше нравится авторам? Где лучше? И что такое лучше? Где интереснее играть: во дворе или на компьютере? Что важнее свобода и раскованность в социальных сетях или «живое» общение? И самое главное – правда ли, что «время тогда было другое»? Почему же тогда повесть называется «Время всегда хорошее»? А может быть, время всегда хорошее, и вообще, все зависит только от тебя?

Вывод: безусловно, это книга о дефиците общения и о том, как в современном компьютеризированном мире человеку все проще оставаться в изоляции, потому что даже необязательно заводить настоящих друзей и развлекаться вместе. Кроме того, возникают проблемы с простой устной речью. Есть необходимость только писать, а в школе все обучение построено на тестах. В результате дети не могут ни выучить, ни пересказать, ни рассказать, с чем (немного поздно) начинают бороться учителя будущего. Однако и в этом времени есть свои плюсы: большая независимость и упорство, ценность отдельной личности и самостоятельность мышления, которых не хватало в прошлом. Так что авторы правы: время всегда хорошее, ведь и в прошлом, и в будущем дети остаются живыми детьми (со всеми своими детскими условностями, секретами, законами поведения) и не теряют гибкости мышления и тяги к нормальному общению.

На заключительном этапе необходимо осуществить связь с уроками литературы, тематика которых связана с лицейскими годами А.С. Пушкина. Следует вспомнить, какая атмосфера царила в Лицее, какие правила были там заведены, каков был распорядок дня и чем увлекались гимназисты. Далее подводим итог уроку, говорим о том, что мы познакомились со школами разных времен, задаем ученикам вопрос: в какой школе вам хотелось бы учиться и почему.

Домашним заданием могут служить рекомендации учителя к чтению произведений на школьную тематику с фантастическим элементом: Мурашова «Класс коррекции», Аромштам «Когда отдыхают ангелы», Льюис Кэрролл «Приключения Алисы в Стране Чудес», Кир Булычёв «Гостья из будущего», еще одна книга А. Жвалевского и Е. Пастернак «Гимназия № 13» и, конечно же, повесть, о которой мы сегодня беседовали «Время всегда хорошее».

Данный урок внеклассного чтения проводится параллельно с уроками литературы, вводит учащихся в большой мир литературы: знакомит с широким кругом доступных книг, приучает свободно ориентироваться в них и, объединяя отдельные стороны читательской деятельности в единый комплекс культуры чтения, формирует у каждого ребенка индивидуальный опыт самостоятельного чтения, параллельно с этим формируя у ребенка собственное видение мира и восприятие окружающей действительности [2, с. 34]. Современная школьная по-

весть, как и предшествующая, в широком понимании затрагивает нравственные, психологические, духовные и философские проблемы, а в узком – раскрывает проблемы дружбы, любви, взаимопонимания между детьми. На разных этапах развития жанра школьной повести авторы затрагивают актуальные проблемы современности, которые, несомненно, важны и в настоящее время.

Библиографический список

1. Жвалевский А., Пастернак Е. Время всегда хорошее. М.: Время, 2009. 256 с.
2. Ковакина А.А. Детская литература: конспект лекций: пособие для подготовки к экзаменам. М.: Приор-Издат., 2007. 112 с.
3. Литовская М.А. «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка // Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 154 с.
4. Минералова И.Г. Детская литература: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2002. 176 с.
5. Сайт о книгах Жвалевского. URL: <http://az-book.info/>
6. Черняк М.А. Школа как диагноз: опыт современной прозы / М. А. Черняк // Детская литература сегодня: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 154 с.

БАЛЛАДНЫЙ СЮЖЕТ «СЕСТРА УБИВАЕТ СЕСТРУ» В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Я.В. Дрянговская

*Научный руководитель Н.А. Новоселова, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Баллады – исполненные психологического драматизма сюжетные песни, в которых представлены трагические бытовые коллизии и происшествия [1, с. 522]. «Баллады относятся к эпическому роду поэзии. Главное их отличие от былин и исторических песен в том, что баллада <...> обращается к частной жизни человека, к бытовым коллизиям» [7, с. 270].

Сюжет «сестра убивает сестру» активно бытовал в Тасеевском (5 вариантов) и Богучанском (4 записи) районах Красноярского края. Кроме того, в Большеулуйском районе было обнаружено два текста. Основной конфликт всех одиннадцати текстов таков, что сестра-губительница заманивает свою жертву на «бережок» и толкает в воду, обрекая на гибель.

Для выявления региональной специфики нами были изучены основные сборники балладных песен. В сборниках **классических** баллад (А.И. Соболевского, Ю.И. Смирнова и др.) данный сюжет не был обнаружен. Однако дальнейшая поисковая работа выявила бытование сюжета в Тульской области, где он был записан в первой половине XX в. А.М. Новиковой [2, с. 446]. Еще одна публикация текста была найдена нами в уральском сборнике «За Уралушкой огонечек горит...» [3, с. 20].

Как видим, данный сюжет имеет не только региональное распространение, однако территория его бытования невелика. Ограниченность бытования может быть связана с поздним временем появления произведения в русском фольклоре. Подтверждением этому является «Указатель сюжетов *новых* баллад» А.В. Кулагиной, где текст входит в группу баллад семейного типа, в подгруппу «сестры» (сестра-соперница губит сестру) [6, с. 12].

О новом, т. е. позднем происхождении исследуемых баллад свидетельствует и их лексика, в частности, слово «гитара», которое встречается в наших текстах. Согласно этимологическому словарю, это слово пришло в русский язык из польского («gitarra») или немецкого («Gitarre») языков приблизительно в эпоху Петра I, а это XVIII в. [10, с. 406].

Упомянутый в восьми текстах «королик» позволил нам предположить, что данная баллада может являться переводной. Это заставило нас обратиться к литературным источникам.

Сходный сюжет мы обнаружили в книге переводов С.Я. Маршака «Баллада о двух сестрах», где из зависти к красоте и удачливости младшей сестры, старшая сталкивает ее в воду. Впервые текст был опубликован С.Я. Маршаком в 1916 году под названием «Две сестры из Биннори». Позднее переработанный перевод вышел в 1941 году в сборнике «Английские песни и баллады». Переведенные Маршаком песни схожи по сюжету с балладами нашего края, однако художественная форма имеет значительные различия. В частности, в переводе 1969 года в каждом четверостишии присутствуют рефрены: «*Биннори, о Биннори*», «*У славных мельниц Биннори...*» [5, с. 7].

Кроме того, существенную близость нашим текстам имеют тексты из сборника шведских и датских народных песен «Стиг-знаменосец», где представлена шведская баллада «Две сестры» [4, с. 158]. Вероятно, данный сюжет был известен как в Швеции, так и в Англии.

Таким образом, сюжетное ядро исследуемых текстов может восходить к балладе западных народов о двух сестрах, однако исходные тексты подверглись существенной творческой переработке. Прежде всего, это русификация: так, в зачине четырех песен возникает топоним: «*По матушке по Волге бежит новый стружок...*» [Фоноарх. КГПУ, Г(2-4)/1992].

Русификация проявляется в предметном мире и в номинации персонажей: в восьми текстах в зачине упоминается плывущий «во стружочке» «королик». Однако в Большеулуйском районе королик заменен на царя, а в одном из текстов Тасеевского района упоминается «солдатик молодой». Все это свидетельствует о стремлении исполнителей сделать балладу более понятной и близкой. Творческая переработка народом прецедентных текстов видна и на мотивном уровне. Так в переводных балладах присутствует мотив изготовления музыкального инструмента из тела погибшей девушки. Его мастерят певец [5, с. 7] или рыбак [4, с. 42].

«Наделал он струны из светлых волос,
На свадебный пир он *арфу* принес...» [4, с. 42].

Поскольку арфа нехарактерна для русской народной культуры, она в региональных балладах заменяется гитарой (5 вариантов):

«Я сделаю гитару из белых костей

И натяну я струны из белых волосей» [Фоноарх. КГПУ, Пл 1б-6/1984].

«Поющий» инструмент в шведской выполняет роль «разоблачителя»: он начинает петь «о младшей сестре», возвещая всем на пиру о том, что случилось на берегу:

«Все струны грянули, звеня,

Биннори, о Биннори,

«Сестра, сгубила ты меня

У славных мельниц Биннори!» [5, с. 9].

Благодаря песне арфы сюжет шведской баллады остается логически завершенным. В русских балладах инструмент теряет свою разоблачительную силу, поскольку обнаружение убийцы только предполагается, и царь должен сам догадаться, кто погубил его дочь.

«Повесил я-то гитару против царских дверей,

Пускай-то царь посмотрит на своих дочерей» [Фоноарх. КГПУ, I (б-6)/1984].

В прецедентных текстах различия между сестрой-губительницей и жертвой четко обозначены в завязке и являются мотивировкой развития сюжета: младшая сестра красивее старшей и из-за этого имеет большее внимание со стороны юношей. Об отсутствии мотивировок в сюжетах русских народных баллад писал Б.Н. Путилов, отмечая это как важный признак данного жанра [7, с. 270]. В соответствии с жанровыми законами русской баллады в четырех региональных текстах действия губительницы теряют мотивировку.

Можно считать особенностью именно новых баллад стремление дать намек на мотив действий сестры-злодейки, наблюдаемый в шести вариантах: «*Как старшая да младшей красивше была...*». В ряде текстов причина злодейства дана в самом конце баллады как способ раскрытия интриги:

«Тони, тони, сестрица, останется все мне.

Останется колечко твоего жениха» [Фоноарх. КГПУ, Я(1-1)/1988].

В прецедентных балладах главными причинами убийства являются ревность и зависть старшей сестры. Эта мотивировка отчасти сохраняется в региональных текстах, но уходит в подтекст.

«Плыви, плыви, сестрица, плыви, мой верный друг,

Спомянешь ты, сестрица, как дружки отбивать» [Фоноарх. КГПУ, Г(2-4)/1992].

В трех балладах сестра-жертва сулит убийце за спасение «колечко своёго жениха». В одном тексте сестра-губительница заберет его себе самостоятельно после смерти девушки:

«Останется колечко

Твоего жениха» [Фоноарх. КГПУ, Я(1-1)/1988].

Подобный мотив мы встречаем и в западных балладах: «*Подай перчатку мне свою <...> Тебе я друга отдаю...*» [5, с. 8].

Факультативная причина (один вариант) – зависть старшей сестры к красоте младшей:

«А младшая да старшей

Красившее была.

Как старшая на младшу

Сердитая была...» [Фоноарх. КГПУ, 52(а-6)/1992].

Творческая работа над европейским сюжетом проявляется во влиянии смежных песенных жанров в региональных балладах. В.П. Аникин писал, что русская баллада не имеет зачина, и сразу начинается с рассказа о событии, а сюжет ее представлен, как правило, лишь кульминацией развязкой [1, с. 522]. Однако в трех вариантах баллады появляется зачин:

«Катилися две зорьки на небе голубом

Катилися, упали на биряжок крутой...» [Фоноарх. КГПУ, Я(1-1)/1988].

Данный зачин сближает русские тексты с жанром традиционной протяжной лирической песни, которой свойственны изображение природы и повторения стихов или отдельных слов.

Таким образом, в фольклорной традиции Приенисейской Сибири исходные тексты претерпели существенное видоизменение. В русских сюжетах отсутствует рефрен, свойственный английским балладам. Тексты русифицируются, четкие мотивировки поступков персонажей уходят в подтекст или появляются не в зачине, а в финале произведения. В некоторых вариантах возникает зачин, свойственный жанру лирической песни. Однако сюжетное ядро в большинстве случаев остается прежним.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2011. С. 728.
2. Баллады / сост. Б.П. Кирдан, Ю.Г. Круглов и др. М.: Русская книга, 2001.
3. «За Уралушкой огонёчек горит...»: Песни казачьих посёлков Южного Урала / ред. С.Г. Шулежковой. М.; Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск, гос. ун-та, 2007. 312 с.
4. Ивановский И. Стиг-знаменосец: шведские и датские народные баллады. Ленинград: Детская лит-ра, 1982. С. 158.
5. Маршак С. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 4.
6. Нешина А.Ю. Старинная и новая русская баллада (преемственность и новация): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 173.
7. Путилов Б.Н. Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Сборник. Л.: Художественная литература, 1984. С. 440.
8. Смирнов Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы. Смирнов Ю.И. М.: Наука, 1988. С. 117.
9. Соболевский А.И. Великорусские народные песни: в 7 т. СПб.: Гос. тип., 1895–1907. Т. 1. 1895. С. 628.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд-во «АСТ», 2009. с. 592.

СВАДЕБНЫЙ ФОЛЬКЛОР КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА

В.А. Кудрева

*Научный руководитель Н.А. Новосёлова, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В начале XX в. дореволюционными собирателями было сделано 5 записей кежемского обряда. В список этих собирателей входили Арефьев и Розенбаум, Дяткин, Чеканинский. Позднее кежемскую свадьбу записывали фольклорные экспедиции КГПУ под руководством Н.А. Новосёловой. В результате в нашем распоряжении 71 произведение кежемского свадебного фольклора.

Познакомившись с этими записями, мы пришли к выводу, что наиболее полным является вариант Арефьева и Розенбаума, включающий в себя 28 песен и полное описание свадебного обряда. Далее цитирование песен приводится по этой публикации.

Анализируя записи, мы заметили, что у разных собирателей имеются расхождения в названиях этапов свадьбы. Например, первый этап у Арефьева и Розенбаума назывался просватанье, а у Дяткина – сватовство; у Арефьева заключительный этап именуется пир, а у Дяткина столы. Особенностью кежемской свадьбы является то, что не существует такое название, как девичник, оно заменено словом вечерка.

На основе теоретических материалов мы знаем, что в состав свадьбы могут входить причитания, свадебные лирические песни, корильные песни, величальные, приговоры дружки [2, с. 24]. Независимо от жанровой природы все свадебные песни Арефьев называет «девичьи песни», а согласно свидетельству Н.А. Новоселовой, жители Кежемского района называли песни «девишны».

«Причитания – лирические произведения, непосредственно передающие чувства и мысли невесты, повествование в которых ведется от первого лица» [2, с. 57]. Единственной композиционной формой этого жанра является монолог. Анализ кежемской свадьбы свидетельствует, что в ней отсутствуют корильные и величальные песни, а причитания являются доминирующим жанром.

В имеющихся материалах причитания представлены 30 сюжетами. На одно определенное обрядовое действие исполнялось 3–5 причитаний, большее количество которых были немаркированы. Это позволило нам сделать вывод, что типом свадьбы данной местности является свадьба-похороны, т.к. включение в обряд причитаний начиналось буквально со смотрин.

Изначально функция причитаний была всецело предопределена верованиями. Невеста должна была представить свой уход из семьи как действие, свершающееся против ее воли, чтобы избежать мести покровителей очага. [1, с. 166].

Исследователями отмечено, что существуют разные традиции исполнения причитаний. Могла запевать сама невеста, а остальные девушки подхватывали, мог запевать хор девушек, а позже вступала сама невеста, либо начинала пение

одна из девушек, позже вступал хор, а затем сама невеста [2, с. 60]. В Кежемском районе причитания исполнялись хором девушек. В основе причитаний лежит противопоставление жизни девушки в «родной семье», на «родимой сторонке», предполагаемой жизни в «чужой семье», на «чужой стороне».

Функция свадебных причитаний двойственна: это и передача психологического состояния невесты, и маркировка определенных этапов свадьбы. Все причитания кежемской свадьбы можно разделить на 2 группы. Первая – это причитания, которые тесно связаны с конкретным обрядовым моментом свадьбы, их сравнительно немного (8 записей). В них назывались такие обрядовые действия, как поход в баню, снятие красоты, отъезд девушки из дома.

Во время посещения бани перед вечеркой исполнялось следующее причитание:

*«Благослови-ка ты меня, родный батюшко,
Во банючку, во мыленку...»* [с. 86–87].

На вечерке девушка принимала от дружки «корабью», в которой лежит свадебный наряд, в сопровождении следующего причитания:

*«Приму-то я коробеечку,
Приму-то я дубовую
Без родимого без батюшки,
Без родимой без матушки»* [с. 98].

Отъезду девушки из родного дома соответствовала следующее произведение:

*«Фатера ты моя фатерушка,
Любимое постоянице.
Любила я на тебе стоять;
Пришло-то пришло на меня безвременнице,
Ведут-то меня, берут красну девицу»* [с. 108].

Вторая группа – это причитания, которые могли петься в любой момент свадьбы, так как в них не отражено конкретное обрядовое действие, подобных причитаний около 20 сюжетов.

*«Наскучила я вам, напрокучила
Соловью зима студеная.
Ни морозики люты,
Морозы-то были лютые,
Заморозили крылышки гусяныя,
Крылышки гусяныя, лебединыя».*

Помимо причитаний в кежемской свадьбе исполнялись свадебные лирические песни, в которых о «женихе, невесте, их родне, о чувствах и мыслях, которые владеют ими, говорится в них как бы со стороны» [1, с. 173]. У Арёфьева и Розенбаума песен намного меньше, чем причитаний всего 8 записей. Здесь повествование ведется в третьем лице единственного числа. Композиционная форма таких песен разнообразна «повествование от третьего лица + монолог / диалог»; «диалог / монолог + повествование»; повествование от третьего лица.

Свадебные лирические песни начинали петься со смотрин, но в кежемской свадьбе все они не были связаны с определенным обрядовым моментом.

*«Не кокушка скоковала,
Не соловьюшка звонко свищет,
Не девица слезно плачет.
Государь мой, родный батюшка,
Выкупи меня из неволюшки.
Из проклятого из замужества...» [с. 95].*

В песнях речь ведется о том, что девушка скоро покинет родимый дом, не будет встречаться с подружками, а будет жить со свекром и свекровью.

*«Ей замуж идти не охота.
Замужьице не корыстно,
Не издачно.
Свекор-батюшка не любит,
Свекровь-матушка ненавидит...» [с. 95].*

В композицию песен широко вводились символы из мира природы, также служившие средством художественного раскрытия душевного состояния человека.

*«Соколы вы мои, соколы,
Где вы, соколы, летали,
Кого вы, соколы, видали?
«Уж мы видели и слышали
Белу лебедь на заводи»».*

Также используется психологический, или образный параллелизм, т. е. сопоставление образов из мира природы и психологических переживаний лирического героя.

*«Что в поле за травка.
В чистом поле муравка,
Подкошенная травка вянет,
Зарученая дева она плачет».*

Смысл такой параллели заключается в установлении общности характерных черт человека и образов природы, благодаря чему происходит их психологическое сближение, усиливающее лиризм и задушевность песни. Встречаются в песнях обращения к близким людям, к своей доле.

Помимо личных символов, употребляющихся для поэтической характеристики отдельных героев песни, в них принимаются символы общего значения: молодости, радости, веселья. Так, например, сравнивается девичья красота с бабьей:

*«Уж как девья-то краса
Во меду валялася,
Полотенцем утиралася.
Как бабья-то краса
По подлавочью таскалася,
Отымалкой утиралася» [с. 112].*

В целях наибольшей поэтической выразительности в песнях при употреблении эпитетов часто применяются инверсии, т. е. обратный порядок слов: «кони вороные», «повозки кованые».

*«Кони вороные,
Под конями повозки кованые,
Во повозточке сидит красна девушка,
Сидит она во кручине,
Горячими слезами обливается» [с. 109].*

Исследовав свадебный фольклор Кежемского района, мы выявили связь произведений кежемской свадьбы с обрядом, определили их жанровое своеобразие и тип свадьбы данной местности; отметили некоторые особенности свадебной лирики.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Устное народное творчество. М.: Академия, 2011. 752 с.
2. Круглов Ю.Г. Русские свадебные песни. М.: Высшая школа, 1978. 215 с.
3. Розенбаум С.П., Арефьева В.С. Свадьба в ангарской деревне // Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. 1900. Т. 31. С. 79–117.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОНКУРСА ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Т.Е. Помарина

*Научный руководитель Н.В. Лебедева, канд. пед. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Звучащее слово с давних времён сопровождает жизнь людей. Благодаря писателям, актёрам, профессиональным чтецам, художественное чтение стало традицией. Оно начинает складываться со времён Древней Руси, благодаря деятельности скоморохов, певцов-гуслиаров и сказочников. С 30-х гг. XVIII в. в театрах процветает декламационное искусство, но с 70-х гг. XVIII в. П.А. Плавильщиков призывает нести со сцены «чувствительность». С начала XIX столетия набирают популярность авторские чтения: А.С. Пушкин высказывался за «правдоподобие чувствований», И.А. Крылов – за простоту и ясность. Параллельно с авторским распространялось актёрское чтение. М.С. Щепкин доказывает, что декламационное чтение приравнивается к неестественности, «...должно говорить чувство, страсть...». Примечательна статья Н.В. Гоголя: «Чтение русских поэтов перед публикою», где он утверждает, что «...язык наш... создан для искусного чтения...». 1843 г., когда начались публичные чтения литературных произведений, считается официальной датой зарождения художественного чтения в России.

Со второй половины XIX в. организуется множество литературных кружков. В 1850-х гг. И.Ф. Горбунов впервые возвёл искусство рассказа в основную профессию. Окончательным этапом формирования реалистической школы актёрского мастерства является открытие Художественного театра в Москве под руководством К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко в 1898 г.

Начало XX столетия примечательно чтениями В.В. Маяковского, главным принципом которого являлось прямое общение с аудиторией. В 20–30-е гг. XX в. художественное чтение развилось как самостоятельный вид искусства. Этому способствовала деятельность А.Я. Закушняка («вечера рассказа»), В.Н. Яхонтова («театр одного актёра»), В.К. Сережникова (коллективная декламация с музыкальным сопровождением), И.В. Ильинского (литературные концерты) и И.Л. Андроникова (цикл рассказов на Центральном телевидении). Необходимость звучащего слова была признана и в годы Великой Отечественной войны. 50–80-е гг. XX в. знаменуются деятельностью Б. Окуджавы и В. Высоцкого, благодаря которым появился жанр авторской песни; Е. Евтушенко, выпускавший диски и аудиокниги с записями собственных стихотворений; А. Вознесенского, выступавший в зарубежных странах. С 80-х гг. XX в. популярность художественного чтения начинает угасать. Благодаря собственной инициативе актёров, одними из которых являются народные артисты: С. Крючкова, А. Демидова; Д. Певцов, С. Безруков, художественное чтение начинает возрождаться с 2000-х гг. XXI в. В 2013 г. на телевидении был организован проект «Живые», где известные люди читают свои любимые произведения классиков мировой литературы [1, с. 164].

В Новосибирске в январе 2011 г. в Сибири был организован чемпионат по чтению вслух: «Открой рот». Изначально он был задуман как региональный проект, но вскоре чемпионат приобрёл Всероссийский масштаб. Автор идеи Михаил Фаустов. В этом году мероприятие проходит уже в 25 городах страны и оно посвящено 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Выбор книг подчинён алфавитно-географическому порядку.

Организатор чемпионата Михаил Фаустов поясняет: «Цель простая – собраться всем вместе и почитать друг другу хорошие книги» [6].

Мы присутствовали на одном из этапов «конкурса» в школе № 10 города Красноярск в октябре 2014 г. К основным правилам чемпионата относится чтение незнакомых текстов вслух за ограниченный промежуток времени (1 минута). При чтении текстов жюри оценивает технику исполнения и артистизм участников мероприятия после каждого раунда чемпионата. После трёх раундов исполнительского чтения русской классической и зарубежной прозы, а также поэзии, в финал проходит тройка лучших чтецов («читчиков»). Они выразительно читают выбранное организатором «конкурса» стихотворение, разделённое приблизительно на три одинаковых фрагмента, рассчитанных на каждого финалиста. Жюри выбирает лучшее исполнительское чтение фрагмента стихотворения, после чего финалист рекомендуется на районный этап мероприятия: «Открой рот».

По словарю С.И. Ожегова мы нашли лексическое значение понятия «конкурс» – это соревнование, имеющее целью выделить лучших участников, лучшие работы [3, с. 290]. Нам хотелось бы подчеркнуть, что по словарю С.И. Ожегова слово «чемпионат» имеет несколько иное значение: 1) состязание, соревнование на звание чемпиона; 2) выставка животных с целью отбора из них чемпиона [3, с. 880]. Мы полагаем, что первое значение слова «чемпионат» содер-

жит в себе элементы спорта, такие как скорость, ловкость. Эти элементы отчасти подходят к формату мероприятия «Открой рот», так как участникам необходимо было за ограниченное количество времени быстро, чётко, ловко, «настырно» прочитать фрагменты художественных произведений. В то же время, мы утверждаем, что использование только этих элементов не может раскрыть в полной мере технику и артистизм участников «конкурса». Что касается второго значения слова «чемпионат», мы думаем, что оно не вполне уместно по отношению к тем, кто «собрался почитать хорошие книги». Мы приходим к выводу, что определение «чемпионат» некорректно используется организатором данного мероприятия, так как литература не может быть объектом спортивного соревнования. Возможно, Михаил Фаустов совершенно сознательно использует это определение в контексте данного мероприятия. Мы полагаем, что к литературному мероприятию должно быть применимо понятие «конкурс».

После проведённого мероприятия мы спросили двух участников чемпионата, учениц 8 и 11 классов об их впечатлениях. Они ответили, что, к сожалению, им не всё понравилось в организации «конкурса», а именно: ограничение участников во времени чтения фрагментов текстов, отсутствие времени у учащихся на подготовку к чтению. «Конкурс» рассчитан на старшеклассников, при этом им могут быть предложены тексты авторов, которых они ещё не изучали в школе, а также сложные тексты, которые для устного исполнения требуют известного уровня мастерства. Мы согласны с мнением участников «конкурса» и полагаем, что кроме этих «минусов» мероприятия существуют также и другие недостатки, а именно отсутствие объективных критериев оценивания исполнительского чтения участников (особенно артистизм).

Исходя из общепринятых критериев устной монологической речи (связность, правильность, выразительность, логичность, богатство языковых средств, ясность, дикция, использование мимики, жестов), мы полагаем, что жюри необходимо было оценивать каждый из этих критериев. Если исходить из данных критериев мероприятия (техника и артистизм), то мы приходим к выводу, что к технике исполнения относятся такие параметры, как связность, правильность, логичность, богатство языковых средств, ясность и дикция. В свою очередь, к артистизму относятся такие параметры, как выразительность, а также использование мимики, жестов. После чемпионата мы думаем, что из приведённых выше критериев в полной мере учитывались связность, правильность и дикция, а также выразительность, использование мимики и жестов. К сожалению, в проведённом чемпионате отсутствовали такие параметры, как логичность и ясность, в неполной мере было представлено богатство языковых средств.

Также участникам было не очень комфортно читать тексты, так как не учтены были гендерные особенности. Часто девочкам предлагались произведения, которые лучше исполнять от мужского лица, а мальчикам – наоборот. К сожалению, учащиеся не всегда справлялись с такой сложной задачей, ведь далеко не каждый взрослый, даже не все известные мастера слова могут с первого раза, за 1 минуту прочитать тексты от лица противоположного пола.

Мероприятие проводилось в среде учителей русского языка и литературы, преподавателей-филологов вузов и одарённых учеников, которые достаточно хорошо понимают значение звучащего слова и его художественно-эстетическую функцию; они способны культурно «отнестись» к художественным текстам. Мы полагаем, что мероприятие «Открой рот» было бы более целесообразным, если организатор этого проекта проводил бы его в среде мало читающих учеников, которые невысоко ценят культуру звучащего слова. Такая организация (настаиваем – конкурса) принесла бы большую пользу этим учащимся и помогла бы им в их культурном развитии.

Также мы заметили и положительные стороны этого мероприятия. Во-первых, это его благая цель: «Собраться всем вместе и почитать друг другу хорошие книги» [6]. Эта цель опирается на традиции, сложившиеся в отечественной культуре. Также был хорошо организован финал чемпионата (чтение фрагмента стихотворения без ограничения времени). Мы хотим отметить, что «почитать хорошие книги» возможно только в определённой атмосфере, с настроенной на внимание аудиторией и с одухотворённо настроенными участниками. При тех условиях чемпионата, предложенных М. Фаустовым, когда участникам «конкурса» необходимо было «оттарабанить» текст за 1 минуту, соблюсти цель: «Почитать хорошие книги», к сожалению, не удалось. Мы хотим подчеркнуть, что по словарю С.И.Ожегова определение слова «чтец» – 1. Человек, который читает; тот, кто занят чтением (устар.). 2. Человек, который читает кому-нибудь вслух, вообще тот, кто читает вслух 3. Артист, выступающий с художественным чтением. [3, с. 887]. Следует подчеркнуть, что у М. Фаустова вместо традиционного слова «чтец» употребляется слово «читчик». По толковому словарю языка Совдепии «читчик» – это работник отдела писем в редакции газеты (в 20-е гг. XX в.) [2, с. 921]. Ему приходится читать большое количество писем каждый день. Для этого читчику требуется высокая скорость прочтения текстов, что отчасти соответствует формату данного «мероприятия». Однако художественное произведение не может быть равноценно тексту письма. Следовательно, понятие «читчик» не может иметь никакого отношения к литературному мероприятию. В свою очередь, Михаил Фаустов утверждает, что «читчик» – это официальный термин, который обозначает участника чемпионата.

Старшеклассники очень ответственно подошли к участию в мероприятии, они порадовали нас высокой культурой звучащего слова, которая проявилась в выразительном чтении, артистическом исполнении, а также его интеллигентном восприятии.

Мы думаем, что название мероприятия «Открой рот» выбрано Михаилом Фаустовым не случайно. На наш взгляд, он хотел продемонстрировать обществу, что не нужно бояться открыть рот и начать выразительно читать, пусть даже незнакомые тексты. Это поможет «читчику» быстрее «раскрыться» и показать высокую культуру звучащего слова, которую он донесёт до слушателя. В то же время название «Открой рот» – это двусмысленная игра слов, которая неоднозначно воспринимается слушателями и участниками «конкурса». Из детства у многих отло-

жился в памяти запрет взрослых: «Закрой рот!». Поэтому у многих участников мероприятия на подсознательном уровне возникает «барьер» и желание не открыть, а закрыть рот. В целом мы полагаем, что название мероприятия является довольно оригинальным. Оно соответствует предложенному формату (чемпионат), но не применимо к исполнению фрагментов художественной литературы.

На наш взгляд, мероприятие «Открой рот» не совсем соответствует тем критериям, которые очень важны для проведения подобных мероприятий.

Библиографический список

1. Аксёнов В.Н. Искусство художественного слова. М.: Искусство, 1954. С. 164.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь Совдепии. М.: Азбуковник, 1998. С. 921.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2001. С. 290.
4. URL: www.dumsmena.ru/node/205
5. URL: www.kpk1.ru/
6. URL: www.newslab.ru/

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ДЕРЕВНИ ДАНИЛКИ ТАСЕЕВСКОГО РАЙОНА

Н.С. Тарасенко

*Научный руководитель Н.А. Новосёлова, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Темой данной статьи является специфика свадебного обряда деревни Данилки Тасеевского района в 70–90-х гг. Основой является материал, собранный во время фольклорных экспедиций КГПУ им. В.П. Астафьева под руководством Н.А. Новосёловой в 1990–1991 гг.

Рассматривая исторические общерусские традиции, можно выделить множество своеобразных обрядовых моментов, характерных действий и исполняемых песен. И все они выполняли определенные функции. В зависимости от этих функций Ю.Г. Круглов разделяет все действия на 3 типа, а именно: магические, юридическо-бытовые и ритуально игровые [2, с. 6–8].

Рассмотрев специфику песен по месту исполнения, мы пришли к выводу, что все обрядовые действия, проводимые в данном районе, делились на две большие группы:

- обряды, проводимые в доме невесты;
- обряды, проводимые в доме жениха.

В целом свадьба была типичной для Центральной России и содержала стандартный набор этапов. Таких мы выделили 15. Но к концу XX в. некоторые этапы и обряды сильно трансформировались или изменили свою функциональную направленность.

Первый этап свадьбы – *сватовство*. Если в других районах после этого этапа свадьбу можно было расторгнуть без каких-либо последствий, то в Данилках сватовство обладало юридическо-бытовой функцией, и после него свадьба уже не расторгалась. На этом этапе оговаривался размер приданого и решались другие экономические вопросы. Таким образом, данный этап совместил в себе два типичных для русской свадьбы момента: сватовство и сговор.

Кроме того, уже со сватовства пелись свадебные корильные песни, в местной традиции названные дразнилками. Они исполнялись подружками невесты. Подруги вместе с невестой сидели за печкой и после заключения соглашения адресовали сватам корильные песни, например:

«Ешьте, сватики, капусту,

Ешьте, сватики, капусту.

Наша капуста не пуста,

Наша капуста не пуста.

По городу свинья ходила,

По городу свинья ходила,

По капусте хвостиком водила,

По капусте хвостиком водила» [Фоноарх. КГПУ, пл.М2-2/1990].

Другой этап, сильно трансформировавшийся к 90-м гг. – это *осмотр дома жениха и невесты*. В старой традиции осматривалось только приданое невесты, поскольку жить молодым предстояло в доме мужа. В 70–90-е гг. они уже могли поселиться отдельно, и потому такого рода экономические вопросы касались двух родов. При осмотре определяли размер приданого, количество даваемого за молодыми домашнего скота, решались вопросы о необходимых приобретениях для начала совместной жизни молодоженов.

Следующий этап – *невестина неделя*. Она включала в себя девичник, называемый в местной традиции «заручинами». В это время подружки собирались с невестой, помогали ей завершить подготовку приданого для замужества: вместе шили, украшали свадебную одежду.

На этих посиделках пелись свадебные лирические песни, которые выделяли невесту статусно и пространственно, кроме того, учили невесту правильному поведению в новой семье, определяли чины для будущих родственников:

«Посадила девочек всех за стол,

*А сама села **выше** всех.*

*Пойняла головку **ниже** всех,*

*Думала гадала **больше** всех.*

Как мне всё корку назвати,

Как свёкорушку гукати.

Назову свёкорку батюшкой,

А свекорушку матушкой.

Большого деверя братенько,

А большу золовку сестрицей» [Фоноарх. КГПУ, пл.Р1-3/1989].

Следующее свадебное действие – *поимка курицы*. Это действие проходило

так: родственники жениха вместе со сватами ловили курицу на дворе невесты, привозили ее в дом жениха, украшали лентами и цветами, что в конце XX в., носило развлекательный характер. Но историческая символика и значение данного действия – магическая. По мнению Н.И. Толстого, курица – птица, наделяемая брачно-эротической символикой (яйцо как символ плодородия), а также демоническими чертами, выступающая в ритуалах маркером «переходных» состояний и процессов» [3].

Как и в древних традициях, в Данилках курица ловилась и приносилась на двор жениха, чтобы как и «пойманная» невеста, пришла и осталась в этом доме. Правда, ранее, курице еще и подрезались крылья- «чтобы не летала».

В день свадьбы тоже совершали разнообразные обрядовые действия. Например, *приезд поезда жениха*. Этот поезд включал в себя дружку, родственников и певцов.

К концу XX в. это действие носило эстетический и развлекательный характер. Но на серьезную историческую основу этого момента указывает такая деталь, как перегораживание дороги. Любой житель деревни мог единожды закрыть дорогу поезду и потребовать выкуп за невесту. В современности мы не придаем этому значения, однако, по предположению Н.А. Новосёловой, исторически эти деньги взимались в счет общины, которая теряла своего члена.

Специфичным является то, что в Данилках существовали песни, исполняемые стороной жениха во время дороги, т. е. поездки за невестой.

«Шагайте кони широко,

Шагайте кони широко.

Наша дорога далеко,

Наша дорога далеко.

Не каменку ломать, а огонь класть,

Не каменку ломать, а огонь класть.

Не шапки сымать, раздавать,

Не шапки сымать, раздавать» [Фоноарх. КГПУ, пл.Р1-9/1989].

Следующий интересный этап *обрезание косы*. Общеизвестно, что коса – это символ невесты. Полное отрезание косы на свадьбе у славян встречается редко, что является отличительной особенностью деревни Данилки. Проходило оно так: за спиной невесты садился брат и отрезал косу со словами «Ножик держит, косу режет», после чего предлагал купить ее жениху. По мнению Н.И. Толстого, это более характерно для западных славян, откуда, возможно, и была привезена эта традиция на историческую родину (в Смоленскую губернию) [3, с. 24].

После традиционного посещения храма празднование свадьбы перемещалось в дом жениха, где и продолжалось гуляние. *Приезд в дом жениха* сопровождался исполнением ритуальных песен корильного содержания: «*Выходи свекровь, горбатая, Привезли невесту богатую*» [Фоноарх. КГПУ, пл.Н2-1/1991]. Кроме того, звучали песни, прославляющие новых родственников, их радость по поводу приобретения нового члена и новую счастливую жизнь, что было не типично для других районов России:

*«А Надечкина мамка постелила черный шатер во дворе,
Некому, некому рубашечку постирати,
Подойдя к кровати, некого, некого разбуджати.*

*А Ванечкина мамка постелила белый шатер во дворе,
Подойдя к кровати, есть кого разбуджати,*

Есть, кому, есть, кому рубашечку постирати [Фоноарх. КГПУ, пл.50а-3/1992]

Следующим специфичным моментом была встреча родителей невесты на второй день гуляний. Подробных описаний встречи родных не сохранилось, зато были собраны песни, исполняемые при встрече: *«Родимую матушку к себе подзывала...»* [Фоноарх. КГПУ, пл.Р1-2/1989], где говорилось о том, что девушка теперь уже принадлежит другой семье и дому, а также исполнялись песни, получившие малое распространение, так называемые песни-советы:

«Ой, сваточки, ой, милые,

Здоровам, здоровам, здоровам.

Ти не залетела наша курочка вчера к вам?

Ти не залетела наша курочка вчера к вам?

Не кышкайте, не шушкайте на нее,

Не кышкайте, не шушкайте на нее.

Круп посыпайте, водой поливайте, приучайте,

Круп посыпайте, водой поливайте, приучайте» [Фоноарх. КГПУ, пл.Н2-6/1990]

Третьего дня гуляний, характерного для русской свадьбы, уже не проводится.

На основе анализа данного обряда можно сделать вывод, что в Данилках к 70-90-м гг. XX в. многие обрядовые действия были сильно трансформированы.

Отсутствие причитаний на всех этапах свадьбы позволяет сделать вывод, что тип Данилковской свадьбы – свадьба-веселье, а также, что при наличии типичных черт обряда свадьба данной местности сохранила исторические уникальные обрядовые моменты.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Устное народное творчество. М.: Академия, 2011. 752 с.
2. Круглов Ю.Г. Русские свадебные песни. М.: Высшая школа, 1978. 215 с.
3. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. ред.: Н.И. Толстой. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 615–618.
4. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. ред.: Н.И. Толстой. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 3. С. 60–68.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

Т.С. Боровик, В.И. Пихутина

*Красноярский государственный педагогический университет
им В.П. Астафьева*

В современной литературе, особенно в постмодернистском тексте, большое значение имеют прецедентные феномены. Многие ученые обращались к этому понятию, среди них Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Ю.Е. Прохоров, В.Г. Костомаров, А.Е. Супрун. Юрий Николаевич Караулов определяет прецедентные феномены как явления значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращения к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [2, с. 216].

Большую роль в развитии теории прецедентности сыграла и концепция «чужого слова» Михаила Бахтина, который в первую очередь обращает внимание на наличие в новом тексте элементов претекста.

Традиционно выделяется несколько групп прецедентных феноменов: имя, высказывание, ситуация и текст. Данная статья посвящена анализу прецедентных имен, а именно прецедентным антропонимам в романе Т. Толстой «Кысь».

Прецедентный антропоним – «имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и / или фиксированным комплексом определённых качеств, способное регулярно употребляться интенционально (денотативно)» [1, с. 23].

Роман Т. Толстой «Кысь» – это постапокалиптическая антиутопия, действие которой происходит после ядерного взрыва в городе Федор Кузьмичск (Москва). Все живое мутировало, в массах прежняя культура отмерла, а своя еще не возникла. Носителями культуры являются лишь те, кто жил до взрыва – «Прежние». Бенедикт, главный герой романа, пытается приобщиться к культуре через литературу, однако ему это плохо удается.

Прецедентные феномены являются одним из основных способов раскрытия авторского замысла в романе и среди них можно выделить несколько тематических групп прецедентных антропонимов.

Первую группу составляют фамилии писателей.

Так, в тексте Т. Толстой идет отсылка к имени Федора Михайловича Достоевского: «Вспомним Достоевского. Всему миру погибнуть, а мне чтоб чай пить» [3, с. 133].

В тексте о Достоевском упоминается как об авторе «Записок из подполья», откуда герой дает неточную цитату, выражающую крайнюю степень эгоизма.

Это помогает передать взгляд героев на историю: «Господа, это символично: мир гибнет, но мясорубка неразрушима. Мясорубка истории. И здесь я позволю себе не согласиться с представителем общества охраны памятников, – опять покривился. – Мясорубка, господа. Со сменными насадками. Но все та же. Только насадки поменялись. А свобод как не было, так и нет» [3, с. 133].

В следующую группу входят фамилии философов.

Один из них – Артур Шопенгауэр – немецкий философ, основоположник системы, проникнутой волюнтаризмом, пессимизмом и иррационализмом.

Главный герой считает, что «шопенгауэр» – это жанр произведения: «это вроде рассказа» [3, с. 81], – поэтому в тексте фамилия и написана не с заглавной буквы. Т. Толстая называет и центральную работу Шопенгауэра – «Мир как воля и представление».

Жители города Федор-Кузьмичск не способны разобраться в идеях философа, их прочтение поверхностно и примитивно. Понимание произведения связано у них только с сюжетом: «А, голубчик, понял – дак расскажи сюжет: кто куда пошел, да кого увидел, да с кем шуры-муры крутил, да кого убил? А? Не можешь? – то-то» [3, с. 82].

Об интеллекте главного героя, Бенедикта, можно судить и опираясь на его размышления о связи названия и содержания работы Шопенгауэра. Философские категории «воля» и «представления» герой подменяет повседневным понятием – фантазия. У него, как и у большинства жителей города, нет необходимых знаний, чтобы постичь смысл этой философской работы: «А только народ все равно все раскупил, а лучше сказать, сменял, и теперь кто-то где-то это дело, стало быть, читает, плюется» [3, с. 83]. Это еще одна характеристика жителей города, из которой мы понимаем, что чтение – самоцель, о постижении смысла речи не идет.

Третья группа прецедентных феноменов – фамилии ученых.

«Купил на торжище «Таблицы Брандиса» – одни цифры. Изловить этого Брандиса, да головой в бочку» [3, с. 260].

Владимир Модестович Брандис – советский математик и педагог, известен как создатель таблиц Брандиса, при помощи которых можно вычислить синус, косинус, тангенс и котангенс угла. Состоит она только из цифровых значений, которые не несут никакой информации для главного героя, потому что этот язык ему не понятен, из-за этого Бенедикт и находится в негодовании.

Еще одна группа прецедентных антропонимов – фамилии политиков.

Адольф Гитлер – национал-социалист, фюрер немецкого народа и диктатор Третьего рейха. Он развязал Вторую мировую войну, истреблял целые нации. С его именем связаны одни из самых ужасных страниц мировой истории, включая холокост.

В русской национальной культуре фамилия Гитлер обладает негативной коннотацией, именно поэтому в тексте данная фамилия употребляется как ругательство: «Гитлер ты!» [3, с. 234].

Активно употребляет Т. Толстая и фамилии деятелей искусства и спорта.

Йоганнес Брамс – немецкий композитор, представитель эпохи романтизма. Упоминание Брамса помогает нам понять, в какой степени развито эстетическое

чувство героя, а также увидеть, на каком уровне находится музыкальное искусство в городе после взрыва.

Представителем с развитым эстетическим вкусом является Никита Иванович, рожденный до взрыва, любящий музыку И. Брамса. Бенедикт противопоставляется ему как человек, никогда не слышащий классической музыки. Его восприятие настолько элементарно, что он не слышит даже ее мелодичности, а фамилия Брамс для него фактически приравнивается к звукоподражанию «бряц»: «...такую музыку громкую играет: ведра-то, горшки-то кверху дном перевернет, да давай палками в их бить, – тумпа-тумпа, тумпа-тумпа, а потом в бочку-то, в дном-то: хрясь!!! – брамс и выйдет» [3, с. 135].

В романе Т. Толстой встречается множество прецедентных антропонимов, чаще всего в тексте встречаются фамилии писателей. Это связано в первую очередь с содержанием произведения: главный герой на протяжении всего романа читает литературу и приобщается к культуре. Фамилии политиков и деятелей искусства употребляются лишь «Прежними» как символ давних времен. По этому употреблению мы легко можем понять, какой эпохе принадлежит тот или иной персонаж. Кроме того, употребление персонажами антропонимов позволяет показать разные уровни духовного и интеллектуального развития представителей разных поколений в романе.

Стоит также отметить, что очень часто фамилии употребляются не изолированно, а в совокупности с отрывками из текстов или указанием названий работ, что помогает лучше понять авторскую мысль, создает больше прецедентных связей. В связи с этим роман оказывается включен и в исторический, и в культурный контексты, а это создает новые уровни понимания текста.

Библиографический список

1. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Брилева И.С. (ред.). Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004. 315 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Толстая Т.Н. Кысь: Роман. М.: Подкова, 2002. 320 с.

ОДОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ван Ди

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В последнее время многие науки обратили свое внимание на влияние цвета, света, запаха на психику человека. Психология, например, занимается проблемой воздействия запаха на память, в медицине появилась такая отрасль, как ароматерапия, предполагающая лечение людей при помощи запахов. Неудивительно, что одоративная лексика сейчас все больше привлекает внимание исследователей.

Лексико-семантическая группа со значением «запах» в русском языке

В русском языке есть ряд общих языковых средств для фиксации обонятельных ощущений. Поэтому сложилась сравнительно небольшая лексико-семантическая группа существительных, дающих самое общее обозначение запаха. Это следующие лексические единицы: *запах*, который подразделяется на две диаметрально противоположные единицы – *аромат* и *зловоние*. *Аромат* – запах, благоухание; дух (прост.); благовоние (книж.); амбре (уст.); фимиам (уст., поэт.); ароматичный, ароматный, душистый. *Зловоние* – смрад (тяжелый запах); вонь, запашок, душок (разг.), вонища, тяжелый дух (прост.); амбре(ирон.) [1, с. 49].

Лексико-семантическая группа со значением «запах» немногочисленна. Это объясняется особым характером взаимоотношений обозначений запахов в языке с реальной действительностью. Состав этой группы показывает, в какой мере номинации запаха отражают действительность и в какой мере действительность остается «скрытой» от восприятия.

Нужно отметить, что состав и структура лексико-семантической группы со значением «запах» менялись с течением времени. Так, в древнерусском языке данную группу возглавляла лексема «воня», выражающая родовое понятие «запах» вообще. В словаре М. Фасмера указано:

Вонь – ж., укр. **Воня** «запах», др. – русск. **Воня**

1) «благоухание»

2) «запах», ст.-слав. **Vonia** / Праслав. **oniā* под влиянием сл. Веять. Сюда же др. – инд. *Anas* «дуновение», лат. *Animus* «дух», «душа».

Получается, что родственными оказываются слова запах – дух – душа. Вспомним известное выражение из русских сказок: «*Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...*», где слово *дух* тоже, видимо, соотносится со словом *душа*.

М. Маковский соотносит «запах» со значением «бить, ударять (по органам обоняния), раздражать (органы обоняния)» [2, с. 147].

Но все же большинство лингвистов утверждают, что в основе семантики слова «запах» лежит ст.-слав. *Vonia*, которое сейчас употребляется как вонь и имеет противоположную, отрицательную окраску.

Что касается современного значения слова запах в русском языке, то оно определяется следующим образом:

«**Запах**, а и у, м. Свойство веществ, воспринимаемое обонянием».

– О приятном обонятельном ощущении; благоухание, аромат.

– О неприятном обонятельном ощущении; зловоние, вонь.

У психологов есть свое определение запаха: «**Запах** – это ощущение, вызываемое стимуляцией обонятельных рецепторов и нервов» [3, с. 56].

Таким образом, слово *запах* в современном русском языке является доминантой в рассматриваемой лексико-семантической группе. *Запах* указывает лишь на само обонятельное ощущение безотносительно к его качеству, силе, источнику, впечатлению, производимому на говорящего. В случае необходимости дифференциации и идентификации, слово *запах* чаще других сочетается с определяющими словами. Отсутствие же определяющих слов сигнализирует о наличии скорее неприятного, тревожащего запаха (например, употребление высказывания «запах!» в разговорной речи).

Что касается синтагматических связей единиц лексико-семантической группы со значением «запах», то они достаточно разнообразны. Эти лексемы сочетаются со словами, которые могут обозначать дифференциальный признак референта «запах»:

– **прилагательными** со значением чувственно-эмоциональной оценки (ароматный, душистый), со значением интенсивности запаха (сильный, слабый), со значением типичности (своеобразный, специфичный);

– **относительными прилагательными**, указывающими на отношение к источнику запаха (медовый, яблочный);

– **словоформами** родительного падежа существительных со значением источника запаха (запах меда, гречихи, жасмина);

– **прилагательными**, содержащими **синестезическую характеристику** (сладкий, горький).

Исследователи-лингвисты отмечают, что набор единиц в словообразовательных гнездах слов данной лексико-семантической группы исторически изменчив и обнаруживает тенденцию к сокращению количества производных. Словообразовательные словари русского языка последних лет показывают, что появляется все больше производных в области номинации и действия: пахучка, вонючка, пахучесть, зловонность, пропахивать – пропахнуть, провоняться...

Семантические средства обозначения запаха в китайском языке

В китайском языке к числу семантических средств обозначения запаха относятся такие слогоморфемы, как **wei** [вэй], **qi** [ци], **xiu** [сю] и слова **qi wei** [ци вэй], **qi xi** [ци си], ‘дыхание’, и **wei dao** [вэй дао].

Языковые единицы данного микрополя различаются прежде всего происхождением. Среди них слогоморфема **wei** [вэй] в древнекитайском языке обозначала также и вкус; последнее значение существует и теперь, например, древнекитайское и современное употребление данной слогоморфемы: *shi bu zhi wei* [ши бу чжи вэй] ‘не чувствовать вкуса’, *wei jue* [вэй цзюэ] ‘чувство вкуса’. В современном китайском языке значение ‘запах’ представлено, к примеру, следующими словами, включающими указанную слогоморфему: *chou wei* [чоу вэй] ‘дурной запах’, ‘вонь’, *xiang wei* [сян вэй], ‘душистый запах’, ‘аромат’.

Исходным значением слогоморфемы **qi** [ци] является значение ‘газ’: *mei qi* [мэй ци] ‘газ’, *fei qi* [фэй ци] ‘выхлопной газ’. Она обозначает также и воздух: *qi ya* [ци я] ‘давление воздуха’. В результате сочетания слогоморфемы **qi** [ци] ‘воздух’ с морфемами, обозначающими некоторые атмосферные явления, получается совсем другое значение: *yan qi* [янь ци] букв.: ‘дым + воздух’, лит.: ‘дым’; *wu qi* [у ци] букв.: ‘туман + воздух’, лит.: ‘туман’ и т.п. Заметим, что и в русском, и в китайском языках одна из единиц соответствующего микрополя сближается со словом воздух (в русском языке слово дух имеет значения ‘воздух’ и ‘запах’; в китайском слогоморфема **qi** [ци] обладает аналогичной семантической структурой).

Слогоморфема **xiu** [сю] имеет следующие значения: 1) ‘запах’; 2) ‘нюхать’: *wu sheng wu xiu* [у шэн у сю] ‘без звука и запаха’, *xiu wei xiang tou* [сю вэй сян тоу] букв.: ‘нюхать что-нибудь и ощущать одинаковые запахи’. С развитием языка данная слогоморфема приобретала другое значение – ‘вонь’, и соответствующую

щее произношение – chou [чоу]. В современном китайском языке указанные варианты этой единицы употребляются как омонимы.

Полиморфемные слова **qi wei** [ци вэй] ‘запах’, **qi xi** [ци си] ‘запах’, **wei dao** [вэй дао] ‘вкус’ в древности не существовали, так как в то время слова в подавляющем большинстве были одноморфемными.

Слогоморфемы **wei** [вэй], **qi** [ци] противостоят по своим деривационным связям. **Wei** [вэй], **qi** [ци], обозначая ‘запах’, обычно не могут быть употреблены изолированно. Путём добавления других морфем или слов перед ними (то есть в позиции) образуются слова со значением ‘какой-либо конкретный запах’, например: **jiu wei** [цзю вэй] ‘запах вина’, **han wei** [хань вэй] ‘запах пота’, **la wei** [ла вэй] ‘острый запах’; **jiu qi** [цзю ци] ‘запах вина’, **xiang qi** [сян ци] ‘аромат’ и др. Следует отметить, что слогоморфема **qi** [ци] не сочетается со слогоморфемами и словами, обозначающими животных и растения. Слогоморфема **wei** [вэй] имеет гораздо более мощную внутрисловную сочетаемость, чем слогоморфема **qi** [ци]. Обычно говорят **xian yu wei** [сянь юй вэй], но не **xian yu qi** [сянь юй ци] ‘запах солёной рыбы’. Слогоморфема **wei** [вэй] сочетается даже со вкусовыми определениями, чего нельзя сказать о слогоморфеме **qi** [ци]: ср. **suan wei** [суань вэй] ‘кислый запах’, а **suan qi** [суань ци] не употребляется. Слогоморфема **xiu** [сю] ‘запах’ ограничена в сочетаемом отношении, употребляясь только в устойчивых словосочетаниях – таких, к примеру, как **wu se wu xiu** [у сэ у сю] ‘без цвета и запаха’ и др.

Несмотря на незначительное присутствие лексем данного семантического поля в художественном тексте, роль их нельзя недооценивать. И в первую очередь это касается лирических произведений, где насыщенность и многогранность деталей наиболее заметна. Использование одоративной лексики позволяет не только создать самостоятельный микрообраз, но и осуществить взаимодействие различных информативных планов, подключив к традиционному зрительному восприятию определенные обонятельные характеристики.

Библиографический список

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1989.
2. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. М., 1989.
3. Большой толковый психологический словарь. М., 2001.

СПОСОБЫ СУБЪЕКТИВАЦИИ АВТОРСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «ЧЕРНАЯ ОБЕЗЬЯНА»

А.С. Герман

*Научный руководитель А.В. Кипчатова, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Образ автора – важная часть каждого художественного произведения. Через него можно понять авторскую позицию по отношению к описываемым событиям. Поэтому изучение способов создания образа автора в каждом конкретном произведении – задача, не теряющая своей актуальности.

Интерес к роману Захара Прилепина «Черная обезьяна» объясняется тем, что он отличается оригинальной речевой структурой и композицией. Одной из особенностей романа является отражение различных способов субъективизации авторского повествования.

Книге предпослана аннотация, в которой говорится, что «молодой журналист по заданию редакции допущен в засекреченную правительством лабораторию, где исследуют особо жестоких детей. Увидев в этом неплохой материал для книги и возможность бежать от семейных проблем, он пускается в собственное расследование и пытается связать зверское убийство жителей целого подъезда в российском городке, древнюю легенду о нападении на город «недоростков», историю жестоких малолетних солдат в Африке... Если только всё это – не плод его воображения».

Субъективизация повествования – это отображение сюжета не с авторской объективной позиции, а с позиции героя произведения. Указанный подход является одним из способов раскрытия образа автора.

Субъективизированной эпической прозой обычно считают произведения с рассказчиком, повествующим в форме первого лица, и являющимся одновременно главным героем действия / одним из главных персонажей. Это отличается двоякостью характера данной роли, поскольку рассказчик одновременно является и повествующим субъектом и объектом повествования.

Некоторые исследователи говорят о субъективизации только в связи с произведениями, в которых главное место отводится самопроявлению и самоанализу рассказчика. Под субъективизацией подразумевается не только активная роль рассказчика в действии, не только восприятие фиктивных эпических событий его глазами, но и характер самой эпической материи.

Наконец, к субъективизированной эпической прозе относят произведения, отличающиеся частым включением личных точек зрения отдельных персонажей прямо в повествование анонимного рассказчика [1, с. 116–117].

Основные приемы субъективизации бывают двух видов: композиционные и словесные: прямая речь, несобственно-прямая речь и внутренняя речь.

Повествование в романе ведется от лица главного героя – журналиста, что сразу затрудняет определение образа автора. Дело в том, что в этой части основу повествования составляют мысли героя, его собственного восприятия мира, воспоминаний о прошлом, ассоциаций, самоанализа. Идет сочетание приема прямой речи с несобственно-прямой.

Например, «Я остановился, не оборачиваясь к нему, принялся к раскаленному воздуху. Лето в этом году сбежало из ада» [2, с. 21], где первое предложение – прямая речь, а второе – несобственно-прямая.

Однако в романе присутствует еще один объемный вставной рассказ, написанный также от первого лица, но где рассказчиком выступает уже совершенно другой герой – чернокожий подросток. При этом в текст включены еще 3 рассказа разного объема, написанные от третьего лица. Следует отметить, что каждая смена рассказчика сопровождается сменой речевого стиля: изменяются лек-

сика, синтаксическое построение предложений, эмоциональный настрой, психологическое изображение происходящего дается совершенно иначе. Повествование героя-журналиста, полное психологических аллюзий, нецензурной лексики и описывающее странное с точки зрения нормального человека поведение невозможно спутать с повествованием от лица чернокожего подростка, отличающимся более простым синтаксисом и очевидным по тексту непониманием и неприятием культуры белых людей.

Таким образом, в тексте присутствует 5 разных стилей повествования, эпилог является шестым. Композиционные приемы субъективизации сочетаются со словесными, переплетены и взаимообусловлены. Автор играет с читателями, надевая разные маски. Это усложняет задачу нахождения в тексте авторского образа и его интерпретации.

Тем не менее сам факт такого сложного композиционного построения произведения дает нам возможность делать некоторые наблюдения и выводы.

Очевидно, что Захар Прилепин старался дать читателям наиболее полное изображение ситуации, донести до них все события, имеющие значение для действия романа. Для этого он временами и переключается с повествования от первого лица на третье. При этом он старается отдалиться от повествования, сделать его максимально объективным, субъективизация сводится к минимуму или исчезает совсем; появляется замеченная исследователями проблема затушевывания образа автора.

Но если в основном повествовании трудно отделить автора от его героя-журналиста из-за высокой степени субъективизации повествования, то отличные по рассказчику части романа помогают выделить нечто общее, то, что принадлежит Прилепину, а не конкретно одному его герою. Одни и те же мысли, выраженные по-разному, показанные будто через разные призмы, помогают выявить в этом сложном произведении авторский образ и отделить его от образа рассказчика.

Смена точек зрения в романе несколько не изменяет понимание читателями авторского отношения к проблеме «недоростков». Психологическая характеристика звучит в описании событий с достаточно сильной отрицательной окраской. Отсутствие прямых авторских характеристик, отступлений не меняет общее впечатление от описываемых событий. Смена писательских масок не меняет сути, она меняет только форму ее изложения.

Особенно ярко это проявляется в тексте рассказа чернокожего мальчишки-солдата:

«Господу Видней открыл большую бутылку виски, **недоростки** быстро выпили ее, передавая друг другу и закусывая алкоголь таблетками, которыми снова угощал **нас** командир» [2, с. 187].

«В другом селении **мы** освежевали застреленную Президентом дикую козу, и **недоростки** стали спорить – так ли всё у человека внутри, как у козы, или нет» [2, с. 191].

Странный переход от образа «я»-«мы» к третьему лицу и обратно. На протяжении всего повествования словом «недоростки» агрессивных детей на-

зывали только главный герой и его собеседники. В лексиконе юного убийцы этого слова не было, и появиться оно там просто не могло. Но оно звучит в его речи. Это явное проявление автора и его отношения к этим детям. В другом повествовании, о разгроме древнего города, опять звучит это слово: « – Это же *недоростки*! Чада кривоногие!» [2, с. 127], «Снизу лица *недоростка* не было видно – только шею и подбородок» [2, с. 135]. Здесь это название более обусловлено и вполне логично. Но вот по исторически-логической хронологии событий, здесь оно первично. А у главного героя это понятие возникает в романе значительно раньше, после первой новости о подобных детях, безо всякой связи с этими событиями и особой логики. Опять в субъективированном повествовании проскальзывает авторское мнение.

Как бы ни было трудно определить в романе авторские мысли, очевидно, что автор не равен своему герою. Начиная с разницы в биографии и заканчивая тем, что главный герой психически неуравновешен, что вызывает ощущение, что он постепенно сходит с ума.

Жена героя, узнав об его измене, пытается разбить молотком его телефон – «Под следующий удар я успел подставить ногу» [2, с. 153]. Почему ногу, если нормальный человек будет действовать руками или подручными предметами?

Или еще один эпизод уже после расставания с женой: «Быстро и воровато рассовал конструктор по карманам – два кармана на рубашке быстро заполнились, пришлось пихать в джинсы.

Отправился на кухню» [2, с. 201]. Все дальнейшие перемещения по городу герой совершает с детским конструктором в карманах. Вопрос «зачем?» остается открытым.

Странное поведение героя подчеркивает субъективизацию повествования, когда автора нет, есть только его журналист или африканский мальчик-солдат.

Еще один используемый писателем прием – неопределенность повествования, незнание главным героем всех деталей.

«Опять заперла дверь изнутри, ненавижу эту привычку. Приходишь в родной дом и стоишь, нажав звонок, минуту иногда.

Дверь распахнули дети, сын и дочь.

Это они закрылись, зря я ругался» [2, с. 21].

«Высокий дом, девять **вроде бы** этажей» [2, с. 33].

В повествовании от имени африканского ребенка такие приемы почти не используются. Мальчик говорит только о фактах и приводит свое понимание событий, но ни о чем не размышляет и не знает ничего, кроме того, что происходило с ним самим и у него не глазах.

В повествованиях от третьего лица выступает классический объективный автор, который знает все детали происходящего и прошедшего, знает мысли всех героев и их мотивы к действиям. Здесь субъективизация отсутствует.

Из всего вышесказанного нами был сделан вывод, что Захар Прилепин в романе «Черная обезьяна» использовал субъективизацию как один из ведущих способов построения текста, применяя ее во всем многообразии приемов. Это позво-

лило ему полнее и оригинальнее показать свое авторское отношение к ситуации. В подобном построении текста можно увидеть влияние постмодернизма и некое сходство с произведениями зарубежных писателей, в том числе – Чака Паланика.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 105–212.
2. Черная обезьяна: роман / Захар Прилепин. М.: АСТ : Астрель, 2011. 285 с.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА И ПОЛУКАЛЬКИ СРЕДИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.Н. Елисеев

*Научный руководитель С.П. Васильева, д-р филол. наук, проф.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В современном русском языке встречается значительное количество заимствованных слов, которое подвергается учёными-лингвистами различным классификациям и тщательному анализу по отдельным языковым признакам и тематике. Огромный интерес представляет лексика, которая состоит из иноязычных корней, но при этом не всегда является заимствованной. Посредством лексикографического описания целью настоящего исследования является выявление происхождения в русском языке полностью заимствованных слов или частично заимствованных корней слов. Именно такое разграничение мы и проводим, отыскивая подобные языковые примеры, не всегда имеющиеся в словарях иностранных слов, но уже активно использующиеся в бытовой лексике. Представленный языковой материал можно разделить на 4 группы: 1) слова, самостоятельно возникшие в русском языке и состоящие из русских и иноязычных корней; 2) полукальки (или частичные кальки); 3) слова, самостоятельно образованные в русском языке и состоящие только из иноязычных корней; 4) прямые заимствования или слова, производные от латинских и греческих корней.

1. Самостоятельно возникшие в русском языке (на базе или с использованием вошедших в них иноязычных корней) слова типа *аэросани, суперобложка, квазизвезда* и т.п., в которых имеются как свои, так и чужие элементы, определить весьма не сложно. Нам также хорошо известны такие слова, как *фотолюбитель, телезрители, автопробег, радиопередача, мотогонки, киносъёмка, самоконтроль* и т.д. По мнению А.В. Калинина, это сложные слова, которые наполовину являются русскими, а наполовину заимствованными. На наш взгляд, таких слов (состоящих из иноязычных и русских корней), образованных в русском языке, достаточно: *мультиварка, комбикорм, автозак, домофон, телесериал, гидросамолёт, универсам* (-самообслуживание, на англ. self-service store «магазин самообслуживания»), *полуфабрикаты* и т.д. Вышеназванные слова, имеющиеся в толковых словарях и словарях иностранных слов, можно отнести к группе сложных слов по причине наличия у них одного корня русского, другого – заим-

ствованного, за исключением слова «полуфабрикаты», являющегося по совместительству и полукалькой, так как калькирована первая часть слова «полу-», в то же время являющаяся по происхождению русской (ср. англ. *half-finished product* / *semi-finished product*) [2; 7].

2. Полукальки – слова, состоящие частью из собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре так же точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идёт заимствование. Полукальки с одним корнем в своём составе будут всегда представлять слова, в которых заимствованной частью будет основная, корневая, а переведённой – аффиксальная [9, с. 110–111]. Примеры полукалек (или частичных калек, от франц. *calque* «копия»): *телевидение* от греч. *tele-* + исконная вторая часть «видение», от латинск. *video* «вижу»; *идолослужение* от греч. *eidololatreia*; *трудоголик* по аналогии с англ. *workaholic*; *гуманность* от латинск. *humanus* «человечный» + суфф. -ость; *авторитетность* от нем. *Autorität* + суфф. -ость, *антитела* от франц. *anticorps*; *ультразвук* (ср. англ. *ultrasound*); *псевдонаука* (ср. англ. *pseudoscience*); *турбонадув* (ср. англ. *turbocharger* – турбонагнетатель) и т.д. Полукалька – заимствование, наполовину прямое, наполовину перевод [8].

3. Слова, состоящие только из иноязычных корней, но при всём при этом образованные в русском языке: *евроремонт* (ремонт по европейскому стандарту), *мультифрукт* (многофруктовый, например, сок), *мегареспект* (большое уважение к кому-либо), *автоледи* (девушка / женщина-водитель), *ксерокопии* (копии, например, документов; Херох – название корпорации, ставшей нарицательным наименованием любого копирующего аппарата), *сканворд* (англ. *scanword*, букв. «поиск слова», ср. кроссворд), *туроператор* (туристический оператор, крупная туристическая фирма) и т.д. Такие слова не подходят ни к группе сложных слов, ни к группе словообразовательных полукалек, а также их нет и в многочисленных словарях, зато они есть в нашей речи и фиксируются в СМИ.

4. Как известно, латинские и греческие корни служили нам и служат для образования новых слов *фотосессия* (греч. *photos* и лат. *session*) на англ. *photo session*, *хореография* (греч. *choreo* и *grapho*) на англ. *choreography*, *квадроцикл* (итал. *quadro* и латинск. *cyclus*) на англ. *quadrocycle*, *монопод* (греч. *monos* и латинск. *pes*) от англ. *monopod* – штатив для селфи). Но возникает вопрос: «В русском ли языке формируются данные слова или приходят из-за границы»? Найти ответ на это можно с помощью интернационализмов (слов, существующих не менее чем в трёх языках): *видеокамера* (от латинск. *video* и *camera*) – *video camera* (англ.) – *Videokamera* (нем.) – *caméra-vidéo* (франц.) – *videocamera* (исп.) – *videocamera* (итал.) – *video câmara* (порт.); *дискотека* (от греч. *diskos* и *theke*) – *disco* (англ.) – *Disko* (нем.) – *discothèque* (франц.) – *discoteca* (исп.) – *discoteca* (итал.) – *discoteca* (порт.); *телевизор* (от греч. *tele* и латинск. *visor*) – *television (set)*, сокр. *TV set* (англ.) – *téléviseur* (франц.) – *televisor* (исп.) – *televisore* (итал.) – *televisor* (порт.); *аэропорт* (от греч. *aero* и латинск. *portus*) – *airport* (англ.) – *aéroport* (франц.) – *aeropuerto* (исп.) – *aeroporto* (итал.) – *aeroporto* (порт.) и т.д. Отсюда вывод, что многие слова приходят к нам из-за границы, а не формируются в нашем языке [5].

При определении языков, из которых происходило заимствование, нужно иметь в виду, что когда речь идёт о словах, широко распространённых в раз-

личных языках, указать на непосредственный источник заимствования далеко не всегда представляется возможным.

Сложные слова как: *экс-чемпион* (англ. ex-champion), *мегаблокбастер* (англ. megablockbuster), *грандотель* (франц. grand hôtel), *сушеф* (франц. sous [su] – «под» и франц. chef – «повар»; заместитель шеф-повара), пришли к нам напрямую из иностранных языков, а *видеорегистратор* (латинск. video + registrator), *банкомат* (итал. banca «банк» + латинск. automatos «самодействующий») *экстрасенс* (латинск. extra «сверх» + sensus «чувство, ощущение»), *парапсихолог* (греч. пара «возле, около» и греч. психология) были образованы уже в русском языке, хотя в других языках они тоже встречаются в похожих формах (ср. англ. parapsychologist) [1].

Сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, неизвестного в том или ином языке, используется иноязычное слово как образец: либо при помощи присущих данному языку средств создаётся производное слово, повторяющее словообразовательную структуру образца (словообразовательно-семантическая калька), либо уже существующему в данном языке слову придаётся новое значение в соответствии с тем, какое значение присуще в другом языке семантически тождественному или близкому по основному значению слову. Иначе говоря, как бы копируется (обычно не полностью, а только частично) семантическая структура этого слова (отсюда и название – калька) [10, с. 255].

Словообразовательная калька – это слово из исконно русского материала, но возникшее как результат перевода, усвоения словообразовательной структуры чужого слова: *водопад* от англ. waterfall или нем. Wasserfall; *созвездие* от латинск. constellātiō (позже лингвистический термин «конstellация»); *«бычье сердце»* (сорт томатов) от итал. rialzista di cuore; *незабудка* от англ. forget me not и т.д.

Следует заметить, что среди глаголов тоже существуют заимствованные корни, например: *доминировать* – латинск. dominari – преобладать, господствовать; *игнорировать* – латинск. ignorare «не знать», ignoro «не знаю» – умышленно не замечать, пренебрегать; *констатировать* – франц. constater, от латинск. constat «известно» – устанавливать несомненность наличия, существования чего-либо; *утрировать* – франц. outrer – преувеличивать; *шиковать* – франц. chic – роскошничать; *нивеллировать* – нем. nivellieren, от франц. niveleur «уравнивать, выравнивать»; *штудировать* – нем. studieren – тщательно изучать что-либо; *толковать* – англ. to talk – говорить, разговаривать, вести беседу; *сканировать* – англ. to scan – просматривать; *замуровать* – от итал. глаг. murare, сущ. muro «стена, высокая ограда, преграда» – заделать наглухо в каменную кладку и т.д. Иноязычные корни, конечно же, есть и в прилагательных: *визуальный* – латинск. visualis «зрительный» – видимый; *позитивный* – латинск. positivus – положительный; *креативный* – англ. creative, от латинск. creāre «порождать, создавать» – творческий, созидательный и т.д. Адъективная группа по количеству заимствованных корней среди других частей речи стоит на втором месте после существительных, вербальная группа – на третьем [4].

Но в отличие от приведённых выше слов следующие глаголы приобрели иноязычные корни путём заимствования целых выражений: *куролесить* – от греч. словосочетания kyrie eleison «господи помилуй» – дурить, озорничать; *лебе-*

зить – от нем. выражения *Ich liebe Sie* «Я люблю Вас» – угодничать, заискивать перед кем-либо [3].

Итак, рассмотрев конкретные лексикографические источники, мы столкнулись с наличием ярких примеров слов с русскими и иноязычными корнями, а в отдельных случаях – с их отсутствием. Нами выявлено происхождение полностью заимствованных слов и частично заимствованных корней слов. Языковой материал разделён на четыре основные группы, отображающий оригинальный подход к данному пласту лексики и предоставляющий возможность его дальнейшего дополнения.

Библиографический список

1. Баш Л.М., Боброва А.В., Вячеслова Г.Л., Кимягарова Р.С., Сендровиц Е.М. Современный словарь иностранных слов. Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. 17 тысяч слов. М.: Цитадель-трейд, Вече, 2012. 960 с.
2. Булыко А.И. Большой словарь иностранных слов: 35 тысяч слов. М.: Мартин, 2011. 704 с.
3. Евсеев М.Ю. Современный этимологический словарь русского языка. История заимствованных слов: Около 1000 слов, пришедших в русский язык со всего света. М.: Астрель, 2009. 384 с.
4. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов русского языка для школьников. 30000 слов и выражений. М.: Аделант. 2014. 352 с.
5. Елисеев Н.Н. Современные интернационализмы среди заимствованной лексики русского языка // Международная научно-практическая конференция «Национальный язык и культура этноса». Красноярск, 2014
6. Калинин А.В. Лексика русского языка. М.: МГУ, 1978. 232 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. 1360 с.
8. Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 160 с.
9. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 328 с.
10. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 336 с.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ГОРОД» В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

И.А. Захарова

*Научный руководитель Н.Н. Бебриш, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Современная антропоцентрическая парадигма предполагает активное использование лингвокультурологического и психолингвистического подходов в изучении языковых явлений. В связи с этим в последнее время становится актуальным исследование мировосприятия носителей конкретного языка, в том

числе и жителей отдельных регионов. По мнению многих авторов, язык служит не только целям общения, но и является хранилищем информации, накопленной языковым коллективом, который живет в определенной экологической среде.

В рамках психолингвистических исследований особое место занимает ассоциативный эксперимент. Он является одним из эффективных способов исследования языкового сознания представителей того или иного этноса, дает возможность описывать, толковать и составлять ассоциативные поля.

Цель нашего исследования – изучение ассоциативного поля «город» в восприятии жителей Приенисейской Сибири.

Объект исследования – языковое сознание жителей Приенисейской Сибири.

Предмет исследования – ассоциативное поле «город».

Теоретической базой исследования явились работы Р.М. Фрумкиной, В.П. Белянина, М.Ю. Сиромолот-Девис.

Кроме того, полученные материалы ассоциативного эксперимента сопоставлялись с данными русского ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова и ассоциативного словаря Приенисейской Сибири.

В работе были использованы следующие понятия (взяты определения Р.М. Фрумкиной).

Психолингвистика – союз лингвистики и психологии. Эта наука описывает, как языковая система и правила построения речи позволяют человеку выражать свои мысли. Психолингвистика анализирует результат понимания человеком речи.

Языковое сознание – широко используемый в психолингвистике термин, включающий психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека.

Языковое сознание является объектом изучения психолингвистики – науки, изучающей процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесённости с системой языка.

Ассоциация – это связь между некими объектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном, опыте.

Как отмечают И.Н. Горелов и К.Ф. Седов, ассоциации различаются по характеру связи со словом стимулом. Выделяют синтагматические и парадигматические ассоциации. Синтагматическими ассоциациями называются ассоциации, грамматический класс которых отличается от грамматического класса слова-стимула. Парадигматические ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова стимулы.

Ассоциативное поле у каждого человека свое и по составу наименований, и по силе связей между ними. Возникновение той или иной связи между словом – стимулом и словом – реакцией зависят от ситуации. Характер ассоциаций определяется возрастом, географическими условиями и профессией людей.

Внутри «коллективного сознания» нации или этноса ассоциативные поля достаточно стабильны, а это значит, что связи между словами регулярно повторяются.

Для проведения исследования был использован метод свободного или ненаправленного ассоциативного эксперимента. Так как этот вариант ассоциативного эксперимента является понятным для реципиентов, поскольку он не ограничивает их ассоциативное поле и дает возможность для свободной реакции.

Ассоциативный эксперимент был проведен среди реципиентов младшего возраста (от 20 до 30 лет), среднего возраста (от 31 до 50 лет) и старшего возраста (от 51 и старше). В ассоциативном эксперименте принимало участие 60 человек.

В рамках эксперимента испытуемым было предложено два задания: 1) записать неограниченное количество слов-реакций на слово-стимул «город»; 2) записать слово-реакцию на список отобранных словесных стимулов ассоциативного поля «город» (20).

Результаты рассматривались при делении реципиентов на две группы по половому признаку (мужчины (10) и женщины (10)), после чего результаты сопоставлялись с русским ассоциативным словарем Ю.Н. Караулова и ассоциативным словарем Приенисейской Сибири.

Далее мы рассмотрим стимул и реакции на него из первого задания более подробно.

У испытуемых в количестве 60-ти человек было получено в общей сумме 275 реакций. Из которых 86 реакций у реципиентов младшего возраста, 84 у реципиентов среднего возраста, 105 у реципиентов старшего возраста.

Из этих 275 реакций 141 у реципиентов мужчин и 134 у женщин. Отказов от реакции нет. Из общего количества реакций только 155 являются различными, а 120 реакций – дублирующие.

Типы реакции, встречающиеся в работе:

Ассоциации, содержащие в себе сему качества: *большой (5), грязный (3), серый (3), вонючий, теплый, яркий, маленький, красивый.*

Ассоциации, содержащие сему процессуальности: *бежать.*

Конкретизирующие ассоциации: *Красноярск (4), Москва (2), Сан-Диего, герой.*

Стимулы с синтагматическим отношением: *большой (5), грязный (3), маленький.*

Стимулы с парадигматическим отношением: *дома (9), мегаполис (4) Улица (3), транспорт, город, район, окна, двор, дорога, проспект, небоскребы, пробки, высотки, светофоры (составляющие города).*

Ассоциации, направленные на самоидентификацию: *мой.*

У информантов всех трех возрастов (младший, средний и старший) есть восемь сходных реакций: *большой (20), люди (15), Красноярск (12), красивый (8), суета (7), машины (6), пробки (5), дым (3).* Эти реакции являются ядром стимула. У информантов младшего и среднего возраста есть 13 сходных реакций: *дома (17), люди (13), большой (11), Красноярск (6), машины (5), красивый (4), огни (4), движение (3), суета (3), магазины (3), дым (2), толпа (2), пробки (2).* У информантов среднего и старшего возрастов есть 12 сходных реакций: *большой (15), люди (9), Красноярск (8), красивый (7), шумный (6), суета (5), машины (4), пробки (4), родной (2), дым (2), парки (2) семья (2).* У информантов младшего и старшего возраста есть 15 сходных реакций: *большой (14), Красноярск (10), люди (8),*

мегаполис (6), суэта (6), красивый (5), грязный (4), серый (4), улица (4), пробки (4), движение (3), машины (3), свет (3), транспорт (2), дым (2)

Ядром ассоциативного поля «город» выступают слова, которые могут характеризовать любой город (*большой, люди, красивый, суэта, машины, пробки*)

Слово-реакция «Красноярск» – конкретизирующая ассоциация (конкретного региона).

Большинство реакций в ядре парадигматические. Меньшая часть реакций является синтагматической (*большой, красивый*). С эмоциональной точки зрения в ядре есть позитивные / нейтральные ассоциации (*красивый, большой*), негативные (*суэта, пробки*). Важная составляющая – *люди*.

В околоядерной зоне младшего и среднего возраста присутствуют две негативные ассоциации (*толпа, дым*), а также ассоциация *движение*, схожая по значению с реакцией *машины* из ядра ассоциативного поля «город».

В околоядерной зоне младшего и старшего возраста также присутствуют две негативные ассоциации (*грязный, серый*). Можем заметить, что в младшем и старшем возрасте снова присутствует ассоциация схожая по значению с реакцией «машины» из ядра ассоциативного поля «город» (*транспорт*).

В околоядерной зоне среднего и старшего возраста преобладают позитивные / нейтральные ассоциации (*родной, парки, семья*). Наблюдается одна негативная ассоциация *шумный*.

В периферийной зоне младшего, среднего и старшего возраста присутствуют позитивные и негативные ассоциации.

Позитивные реакции		
младшего возраста	среднего возраста	старшего возраста
яркий	зеленый дети	чистый разный театральный музейный

Из этого следует, что в периферийной зоне большая часть ассоциаций является позитивными.

Далее мы подробно рассмотрим реакции на стимул «город» младшего возраста.

У испытуемых младшего возраста было получено всего 86 реакций. Из которых 39 у реципиентов мужчин и 47 у женщин. Отказов от реакции нет. Из этих 86 реакций только 44 являются различными, что значит 42 реакций – дублирующие.

Дублирующиеся реакции, полученные от опрашиваемых мужчин (*дома (6), люди (4), большой (3), Красноярск (2), машины (2)*), от опрашиваемых женщин (*дома (3), люди (2), большой (2), мегаполис (3), Красноярск (2), грязный (3), серый (3), улица (3), движение (2), серость (2)*).

У мужчин и женщин есть пять сходных реакций: (*дома (9), люди (6), большой (5), мегаполис (4), Красноярск (4)*). Эти реакции являются ядром стимула, так как они частотные и общие. Также к ядру можно отнести реакции *огни (2), Москва (2), фонарь (2), суэта (2)*.

Реакции женщин-реципиентов: *дома (3), люди (2), большой (2), мегаполис (3), Красноярск (2), грязный (3), серый (3), улица (3), огни, движение (2), серость (2), Москва, фонарь, суета, транспорт, вонючий, дым, бежать, район, аллея, ночь, свет, окна, двор, качели, дорога, амбиции, теплый, проспект, толпа, герой, небоскребы.*

Реакции мужчин-реципиентов: *дома (6), люди (4), большой (3), мегаполис, Красноярск (2), огни, Москва, фонарь, машины (2), суета, город, хаос, камень, пробки, вонь, Сан-Диего, население, геополитика, яркий, высотки, грязь, маленький, красивый, магазины, театр, кино, светофоры.*

В отличие от мужчин у женщин-реципиентов в реакциях отмечено эмоционально-негативное отношение к стимулу «город», и при этом преобладают сентагматические реакции (*серый, грязный, вонючий, бежать, серость, дым, суета*). Позитивные реакции наблюдаются в меньшей степени. В то время как мужчины-реципиенты предпочитают парадигматические реакции на стимул «город» (*вонь, грязь, дым, хаос, суета, пробки*).

Совпадения с Русским ассоциативным словарем Ю.Н. Караулова и Ассоциативным словарем Приенисейской Сибири:

Реакция	Частота	М	Ж	Русский ассоциативный словарь Ю.Н. Караулова		
				Частота	М	Ж
дома	9	6	3	6	5	1
большой	5	3	2	31	16	15
мегаполис	4	1	3	-	-	-
Красноярск	4	2	2	-	-	-
грязный	3	0	3	4	2	2
Москва	2	1	1	8	5	3
дым	1	0	1	3	2	1
город	1	1	0	1	0	1
герой	1	0	1	12	4	8
грязь	1	1	0	2	2	0
маленький	1	1	0	1	1	0
красивый	1	1	0	4	0	4

Анализируя результаты ассоциативного эксперимента, можно сделать следующий вывод: ассоциации в поле «город» у младшего и среднего возрастов меньше чем у старшего возраста. Они включают научный, бытийный, эмпирический, политический и другие смыслы.

По количеству позитивно-окрашенных и негативно окрашенных реакций в общей сложности преобладают негативно-окрашенные реакции.

Изучая результаты ассоциативного эксперимента, мы можем отметить, что мужчины и женщины могут давать сходные реакции на стимул, но в рамках ассоциативного поля их количество будет незначительно – от одного до трех слов-реакций.

В процессе подробного изучения полученных результатов ассоциативного эксперимента были сделаны выводы, что ассоциации в поле «город» у лю-

дей разного возраста дифференцированы. Это обусловлено тем, что у реципиентов в связи с переменной временного пространства, историческими событиями, географическими условиями и профессиями людей различаются мировоззрение и мировосприятие.

Также причиной различий являются словари старого образца, несерьезное отношение реципиентов к участию в ассоциативном эксперименте, боязнь показать свою некомпетентность.

Несовпадение реакций на стимул «город» обуславливается тем, что Русский ассоциативный словарь Ю.Н. Караулова опирается на данные жителей больших городов, таких как Москва, Санкт-Петербург, Ленинград.

Особенностями ассоциативного поля «город» является: 1) конкретизирующие реакции (*Красноярск, Столбы, Герой, сибирский, миллионный, краевой центр*); 2) в Русском ассоциативном словаре Ю.Н. Караулова и Ассоциативном словаре Приенисейской Сибири количество реакций не совпадает, так как в Русском ассоциативном словаре Ю.Н. Караулова было больше информантов, а в Ассоциативном словаре Приенисейской Сибири меньшее количество информантов.

Каждая реакция на стимул содержит в себе убеждения, пристрастия, привычки, убеждения человека, его образ жизни и характеристику.

Библиографический список

1. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. М.: Лабиринт, 2010. 320 с.
2. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: АСАДЕМА, 2001.
3. Психолингвистика: учебник / В.П. Белянин. М., 2003.
4. Сиромолот-Девис М.Ю. Использование ассоциативного эксперимента для определения образа времени в русской и американской культурной парадигмах // ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ. – 2008. – № 3. URL: <http://www.cyberleninka.ru>

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИИ

О.И. Курчатова

*Научный руководитель И.В. Ревенко, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Изучением времени занимаются практически все науки. Это одна из многогранных и интереснейших категорий, с помощью которой происходит наблюдение за окружающим нас миром, историей и действительностью. «Время – одна из основных (наряду с пространством) форм существования мира, возникновения, становления, течения и разрушения всех явлений бытия. Категория времени связана с последовательной сменой этапов жизни природы, человеческой жизни и развития сознания; поэтому восприятие субъективной длительности времени сплетается с отношениями причин и следствий, прошлого, настоя-

щего и будущего, а также с субъективным переживанием времени и его интерпретацией в различных типах сознания» [10, с. 81–82].

В лингвотекстологии принято говорить о художественном времени, которое понимают как текстовую категорию. Оно включается в состав концептуальных категорий, осуществляющих связь текста с объективным миром. «Сложность временных отношений при их бытовом восприятии делает процесс отражения реального времени в художественном произведении задачей еще более сложной. Обращение к проблемам художественного времени и пространства со стороны не только литературоведения, но и языкознания продиктовано непреходящим интересом исследователей к способам и средствам организации эстетической действительности произведения и его внутреннего мира, к тексту как художественной и речевой единице и одновременно определенной временно-пространственной организации, к художественному языку и возможностям его использования в художественном тексте» [8, с. 165].

Изучением категории текстового времени занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты и литературоведы такие, как А.Я. Гуревич, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Б.М. Гаспаров, Н.А. Николина, А.Б. Есина, А.Ф. Папина, З.Я. Тураева, И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, А.А. Потебня и др.

Следует рассмотреть понятие текстовой категории времени. По определению Т.В. Матвеевой, «текстовая категория времени – это категория, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением» [6, с. 536].

На сегодняшний день существует много подходов к определению времени в художественном тексте. По мнению исследователя И.Р. Гальперина, «понятия времени и пространства связаны с категорией континуума» [3, с. 87–89].

Ведущая роль в разработке категорий художественного пространства и времени принадлежит М.М. Бахтину, им была разработана теория хронотопа [1, с. 447–483]. З.Я. Тураева вводит термин «темпоральная структура текста» [9, с. 83].

Мы остановимся на определении, которое дает Л.М. Кольцова «художественное время – это и репрезентация реального времени в различном объеме, масштаба с различных точек зрения, и своеобразный аспект художественно изображенной действительности, и конструктивный элемент текста» [4, с. 45].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие художественного времени тесно связано с понятием пространства, не является отражением реального времени, так как нарушает реальную последовательность действий и неодинаково в разных типах и жанрах текста.

Последнее можно объяснить тем, что категория художественного времени изменчива. В истории культуры сменяют друг друга разные темпоральные модели, например, мифологическое время, время в средневековой культуре, эпохе Возрождения и время в современной литературе отличаются своим значением, мировоззрением и способами отображения в тексте.

Существуют различные подходы к пониманию и описанию времени в художественном тексте. А.А. Потебня разграничивает время на реальное и художественное. А.Ф. Папина называет реальное художественное время и ирреальное художественное время. Н.А. Николина выделяет «время автора» и «время читателя».

Н.А. Николина выделяет также ряд признаков, характерных для художественного времени [7, с. 87–90]:

- системный характер;
- непрерывность и дискретность;
- художественное время как диалектическое единство конечного и бесконечного;
- упорядоченность;
- художественное время представляет собой единство частного и общего;
- характерны длительность / краткость изображаемого события;
- однородность / неоднородность ситуаций;
- связь времени с предметно-событийным наполнением (его заполненность / незаполненность, «пустота»).

По этим параметрам могут противопоставляться как произведения, так и фрагменты текста в них, образующие определенные временные блоки.

Автором выделяются также три темпоральные оси, которые обуславливают взаимодействия времени текста в целом:

- 1) календарное время отображается преимущественно лексическими единицами с семой время и датами;
- 2) событийное время организовано связью всех предикатов текста (прежде всего глагольных форм);
- 3) перцептивное время, выражает позицию повествователя и персонажа (при этом используются разные лексико-грамматические средства и временные смещения) [7, с. 91].

Многие лингвисты-исследователи, такие как И.Р. Гальперин, Н.А. Николина, З.Я. Тураева, Г.А. Золотова, Дж. Лакофф, Л.М. Кольцова и др. разграничивают грамматическое время и художественное. По мнению З.Я. Тураевой, движение времени в художественном тексте происходит не только на основе психологической связи событий, но и выражается через систему грамматических средств, а именно через различные видовременные формы глагола. Они являются самым распространенным способом репрезентации текстовой категории времени и в контексте произведения становятся многозначными. Таким образом, художественное время, подчиняя себе грамматическое время, способствует «пересечению в художественном тексте в одной видовременной форме различных значений» [9, с. 50].

Из языковых средств наиболее сложным и интересным являются видовременные формы глагола. К языковым средствам также относят: лексические единицы, обозначающие время, сложноподчиненные предложения с придаточным времени, метафорические единицы, связанные с понятием времени, имена исторических деятелей, мифологических героев, номинации исторических событий и другие, обозначения предметов быта, связанных с исторической эпохой.

Но наряду с языковыми средствами для выражения временных характеристик художественного текста используются и лингвостилистические средства. Приведем ряд примеров использования. В работах И.Р. Гальперина [3, с. 89, 125] и А.В. Бондарко [2, с. 67, 75, 97, 98, 99] приводится ряд примеров, иллюстрирующих использование языковых и лингвостилистических средств.

Примеры настоящего расширенного времени, при котором действие осуществляется в момент речи, но не только в этот момент: оно охватывает также более или менее обширный отрезок прошлого.

– [Маша]. **Давно** он любит ее? (А. Толстой. Касатка).

– «Я вот «Лоэнгрин» здесь **штудирую**... – объяснял Тетюев, усаживая гостя на диван (Мамин-Сибиряк. Горное гнездо)». Занятие фактически предшествовало приходу гостя к моменту речи. Действие все же отнесено к настоящему, так как говорящий еще не успел осознать его как прошлое.

Примеры прошедшего совершенного в контексте будущего:

– «На какой-то миг мелькнула у меня мысль, что если не хватит сил и я не свалю его с первого удара, – я **погиб** (М. Шолохов. Наука ненависти)». Можно заметить модальный оттенок, полной убежденности говорящего в том, что действие наступит. Эта уверенность подчеркивается употреблением форм прошедшего совершенного: действие как будто уже произошло, налицо его результат, и уже ничего нельзя изменить.

– Ну, в головы ты вылезешь, – кричит отец: – мундир на тебя, дубину, наденут, ну? – веселей тебе от этого?.. – Ну, а дальше что? **Надел** ты, дурак, мундир, **нацепил** медали, послы к тебе персидские **приехали**, к ослу лавочному, барана ты им **зарезал**, тысяч десять в утробу ты им **всыпал**, а потом что?.. Ведь снимешь же ты, мочалка глупая, мундир-то! (Г. Успенский. Разоренье).

Цепь форм прошедшего совершенного может создать целый эпизод, который фактически отнесен к будущему, но представлен как уже осуществившийся

Прошедшее совершенное в контексте абстрактного настоящего:

В отряде для экипажей заведен такой порядок [идея обобщенного настоящего]: командир осмотрел площадку, бросил дымовую шашку, чтобы узнать ветер, сел [действия представлены как уже совершившиеся]. Дальше: разбить палатку, приготовить горячую пищу. Занимается этим экипаж [идея обобщенного настоящего].

Сталкиваются два значения: исходящее от окружающего контекста значение абстрактного настоящего и значение прошедшего времени, выражаемое глагольной формой.

Формы прошедшего несовершенного в перфектном значении выступают в контексте абстрактного настоящего.

[Митрич]. Миллионов сколько баб вас да девок, а все как звери лесные. Как выросла, так и помрет. Ничего **не видала**, ничего **не слыхала**... (Л.Н. Толстой. Власть тьмы). Формы **не видала**, **не слыхала** обозначают наличие состояния, как результат прошлого, но окружающий контекст, имеющий характер сентенции, обобщает это значение, вдвигает его в рамки обобщенного настоящего.

Примеры настоящего исторического. Это обычная форма живого рассказа о прошедших событиях.

«Как **прижал** нас немец, мы **отбиваться**. Валька за бугром из миномета **палил**. **Вдруг** меня **зовут**. **Гляжу**, лицо у него все разворочено (В.А. Солоухин. Капля росы)».

Настоящее при обозначении будущих действий:

– [Тропачев]. Я **будущей зимой уезжаю** за границу (И.С. Тургенев. Нахлебник).

– «Мы нынче обедаем у Разумовского, – сказал он (Л. Никулин. *России верные сыны*)».

Будущее несовершенное употребляется в контексте обобщенного настоящего.

Мужчина (если он настоящий мужчина) не способен здраво рассчитывать в любви. Он будет прежде всего стремиться завоевать, заполучить свою любовь (А.Е. Рекемчук. Молодо-зелено).

В своих работах И.Р. Гальперин и З.Я. Тураева приводят примеры лингвостилистических средств для создания определенного времени, связующего части текста.

Авторы отмечают, что комбинация лексических средств, например, глагола с временной семантикой (*remember*), грамматических средств (временная форма глагола Present Perfect Tense, которая показывает, что действие совершилось в прошлом, но результат имеет отношение к настоящему моменту) позволяет создать ассоциативные связи между настоящим писателя и его воспоминанием о герое. Это можно увидеть в примере: «*He remembered a scene when Alice must have been sixteen. It was one of those long dinners with one or two guests...*» [Colm Toibin. *Master*]. (Он вспомнил об одном случае, который произошел, когда Элис было шестнадцать лет. Это был один из тех долгих обедов с одним или двумя гостями).

И.Р. Гальперин отмечает, что резкая смена хронологического события может произойти, если автор датирует момент действия, например, может указать год и добавляет грамматические средства (временную форму глагола). Время в произведении может указывать на точный временной отрезок, если автор показывает календарное время (год, время года).

Интересны примеры, когда вневременной отрезок представлен вне единиц времени. Например, отследить скорость действия одного персонажа, через действия другого лица: «*Lily Wynton lay back in her chair, holding in her gloved hand the wide, squat glass, colored brown to the brim. Little Mrs. Murdock lowered her eyes to her teacup, carefully carried it to her lips, sipped and replaced it on its saucer. When she raised her eyes, Lily Wynton lay back in her chair, holding in her gloved hand the wide, squat, colorless glass*» [D. Parker. *Glory in the Daytime*].

При попытке воссоздать какую-либо реальную картину с яркими эмоциональными переживаниями героев, автор может использовать смешение прошлого и настоящего, выраженного глагольными формами. Действия уже произошли, но герой в своем рассказе использует форму глагола в настоящем времени.

Основная задача лингвостилистических средств, участвующих в реализации текстовой категории времени – установление взаимоотношений между отдельными языковыми единицами при формировании связного текста.

Для категории времени такими средствами являются ретроспекция и проспекция. «**Ретроспекция** – обращение к прошлому, анализ прошедших событий и переживаний. Может быть субъективно-читательской и объективно-авторской. Мысленное возвращение читателя к ранее прочитанному является либо следствием самой композиции произведения, имеющей знаковые (актуализированные) элементы, либо результатом авторских ссылок на предшествующие части

текста» [4, с. 45]. Объективно-авторская ретроспекция обычно проявляется через такие слова и выражения, *как ранее уже упоминалось о том, что...; читатель помнит, что...; ...и опять перед ним проносятся картины прошлого и т.п.* «**Проспекция** – взгляд в будущее, представление предполагающих действий и событий» [4, с. 48]. Объединяет различные языковые формы, относит содержательно-фактуальную информацию к последующим частям художественного произведения. В тексте она проявляется с помощью таких выражений, *как он и не подозревал, что через несколько дней окажется; как будет указано ниже; забегая вперед; как он будет очарован, когда узнает, что... и т.п.*

Временной континуум может реализоваться и в дистантном описании движения. Так, в повести В. Комиссарова «Старые долги» (один из абзацев начинается так: *«Они ехали теперь по Ярцевску, машину трясло на разбитом асфальте. Библибин с нетерпением ждал, когда наконец под колеса ляжет накатанная гладь институтского шоссе...»*). После этого идет описание дороги и воспоминания двух героев. И только через четыре абзаца появляется фраза: *«Машина наконец перестала трястись по выбоинам...»*. Когезия, связь этих двух отрезков, одновременно служит средством реализации континуума. У читателя создается ощущение времени, в течение которого машина ехала по городу.

Таким образом, при характеристике категории времени важную роль играют анализ как грамматического времени, так и лексических единиц, обозначающие временную соотнесенность. Формы грамматического времени устанавливают последовательность, предшествование или следование событий. Лексические единицы, называя точное время протекания событий или временные промежутки, определяют дискретность, конкретность и фабульность.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 493 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
4. Кольцова Л.М., Лунина О.А. Художественный текст в современной лингвистической парадигме: учебно-методическое пособие для вузов. Воронеж. 2007 51 с.
5. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 1999. 566 с.
6. Матвеева Т.В. Текстовое время, или темпоральность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2006. 696 с.
7. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Academia, 2003. 255 с.
8. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов-журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.
9. Тураева З.Я. Лингвистика текста: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
10. Шабанов Н.К., Шабанова О.П. и др. Художественный педагогический словарь. М.: Академический проект: Трикста, 2005. 480 с.

ИЗУЧЕНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ МЕТОДОМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОБРАЗОВАНИЕ»)

Д.С. Плетнёв

*Научный руководитель С.П. Васильева, д-р филол. наук, проф.
Красноярский государственный педагогический университет
им.В.П. Астафьева*

Языковое сознание – широко используемый в психолингвистике термин. Этим термином принято обозначать с трудом поддающийся определению феномен – вербализуемые лексическими средствами национального языка результаты ментальной деятельности. Авторы термина понимают его как сознание «овнешненное», т. е. выраженное внешними языковыми средствами.

Цель работы – изучить проявление осознаваемого уровня языкового сознания студентов КГПУ им. В.П. Астафьева на основе анкетирования методом семантического дифференциала. Использование данного метода дает возможность оценить, прежде всего, не значение как знание об объекте, а коллективное знание, связанное с социальными, политическими, профессиональными, возрастными представлениями испытуемых.

Для проведения исследования было опрошено 50 студентов педагогического университета, обучающихся на разных факультетах. Испытуемым предлагались список слов тематической группы «образование», обозначающих реалии действительности. Перед студентами стояла задача: выразить своё отношение к этим словам с помощью следующих показателей: *хорошо, скорее хорошо (чем плохо), нейтрально, скорее плохо (чем хорошо), плохо*. Полученные результаты и явились материалом для изучения.

Анализ результатов анкетирования студентов педагогического университета (в %):

Слово	Хорошо	Скорее хорошо (чем плохо)	Нейтрально	Скорее плохо (чем хорошо)	Плохо
Образование					
1. Школа	42	26	22	10	-
3. Экзамены	12	26	24	24	14
4. ЕГЭ	12	12	24	30	22
5. Ученый	44	38	18	-	-
6. Диплом	40	26	22	12	-
7. Университет	46	28	22	4	-
9. Училище	4	12	26	28	30
10. Техникум	6	14	40	8	32

Проанализируем слова, относящиеся к школьному образованию: школа, экзамены, ЕГЭ.

Слово «школа» оценено респондентами следующим образом: 68 % ответов «скорее хорошо» и «хорошо», 22 % – «нейтрально» и 10 % – «скорее плохо». Школа играет важную роль в жизни человека, ведь именно там ребенок делает первые серьезные шаги в жизни, начинает принимать важные решения, добивается успехов или сталкивается с неудачами. У большинства людей школа ассоциируется с детством – самой беззаботной порой в жизни человека. Не случайно, будучи загруженными взрослыми проблемами и хлопотами, люди хотят вернуться за школьную парту, вспоминая то время как самое лучшее в их жизни.

На слово «экзамены» респонденты нашего вуза отреагировали неоднозначно: 38 % – «хорошо» и «скорее хорошо», 24 % – «нейтрально», 38 % – «плохо» и «скорее плохо».

Социологические опросы других вузов показывают, что студенты воспринимают экзамен как «поединок вопросов и ответов», «как изощренную пытку», как «интеллектуальную и эмоциональную перегрузку». Значимость экзамена вызвана тем, что его итоги влияют на социальный статус молодого человека, его самооценку, материальное положение (стипендия), на дальнейшие перспективы учебы в вузе и, возможно, дальнейшую профессиональную карьеру. Такие факторы, как длительное ожидание экзамена, элемент неопределенности при выборе билета (повезет – не повезет?) и жесткий лимит времени на подготовку усиливают эмоциональное напряжение до максимальных значений, что сопровождается «гормональной и вегетативной бурей» [2, с. 51].

Из статистики электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири [3] всего реакций на стимул «экзамен»: 78. На третьем месте по частоте реакция «волнение».

Различие в оценках объясняется тем, что экзамены требуют от человека определенных знаний и умений, а также интеллектуальных, физических, нервно-психических затрат. Одни студенты более устойчивы к таким стрессам, более уверены в себе и могут взять себя в руки, у других это получается хуже или не получается вовсе.

Слово «ЕГЭ» оценено респондентами следующим образом: 52 % отрицательных ответов, 24 % ответов «нейтрально», 24 % положительных отзывов. ЕГЭ в России сдают все выпускники. Он является как выпускным экзаменом в школе, так и вступительным экзаменом в вуз. Напомним, что с 2009 г. сдача единого экзамена – это единственный способ окончить российскую школу. Согласно исследованию «Левада – Центра» (23–26 мая 2014 года), 42 % опрошенных считают, что ЕГЭ хуже оценивает знания выпускников по сравнению с обычными экзаменами. 25 % полагают, что не лучше и не хуже. И только 19 % отдали предпочтение системе ЕГЭ. Есть и такие, которые затруднились с ответом, их 15 %. Все наши респонденты в свое время сдавали ЕГЭ и, наверняка, столкнулись с подобными проблемами, что сказалось на результатах эксперимента. Можно отметить, что мнение студентов из Сибири в целом совпадает с мнением жителей России [4].

Теперь рассмотрим слова, связанные с профессиональным образованием: университет, диплом, училище, техникум.

Слово «университет» респонденты оценили хорошо: 74 % положительных отзывов, 22 % ответов «нейтрально» и 4 % – «скорее плохо». Образование имеет существенное значение для жизни общества, как социального института, для сохранения культурного наследия человечества, дальнейшего совершенствования интеллектуального уровня развития индивида. По окончании школы большинство выпускников намерены поступать именно в высшее учебное заведение. Как показывает практика работников приемных комиссий в университетах города Красноярска, один абитуриент, как правило, подает документы для поступления на несколько факультетов одного университета или в разные по направленности университеты (например, педагогический и аграрный), желая поступить в любой из них.

Обратим внимание, что оценки слова «диплом» имеют схожие результаты: 66 % ответов «хорошо» и «скорее хорошо», 22 % – «нейтрально» и 12 % – «скорее плохо».

В наше время диплом о высшем образовании это престижно и, как говорят многие, даже модно. Считается, что без него невозможно найти достойную, высокооплачиваемую работу. Действительно, для большинства работодателей наличие у соискателя какой-либо должности высшего образования – главное условие принятия на работу. Причем зачастую неважно, соответствует ли оно желаемой должности или нет. Естественно, что молодые люди заинтересованы в хорошей работе, а значит, и в высшем образовании.

Техникум и училище, согласно данным исследования, не пользуются популярностью у студентов нашего вуза. Сравним результаты, касающиеся средне-специального и высшего образования (рис.).

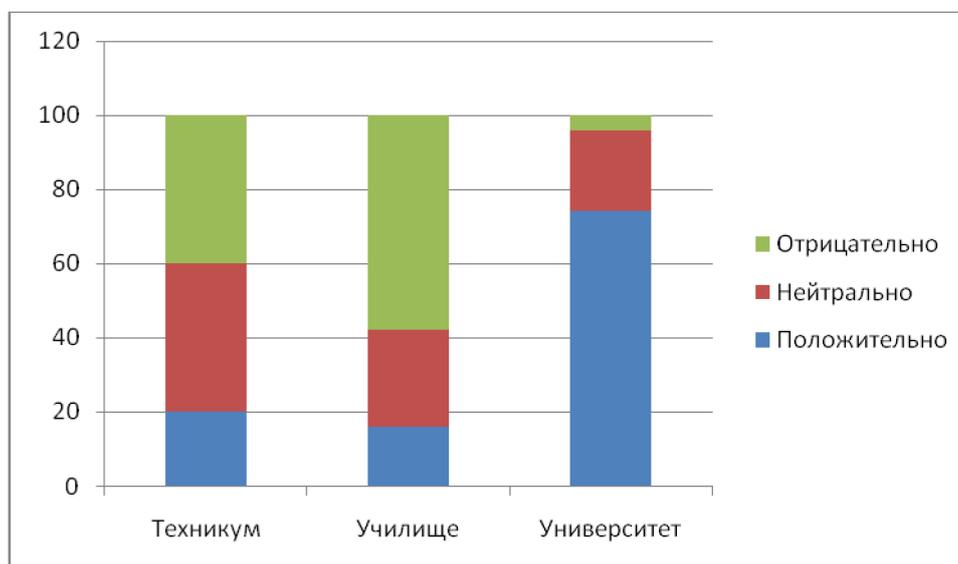


Рис. Отношение респондентов к средне-специальному и высшему образованию

В настоящее время специалисты со средним специальным образованием менее востребованы во многих престижных сферах. Зачастую работодатели основным требованием приема на работу заявляют наличие высшего образования, как было упомянуто выше. Материальное благополучие человека стоит на первом месте среди других приоритетов, соответственно, это влияет на выбор будущей

профессии и место обучения. Пытаясь избежать службы в армии, молодые люди стремятся получить именно высшее образование, поскольку средние профессиональные учебные заведения не предоставляют отсрочку от армии.

Можно сделать вывод, что отношение людей к таким заведениям складывается под влиянием внешних социальных и политических факторов, а не их желаний и предпочтений.

Заключительное слово из блока – «ученый»: 82 % опрошенных оценили положительно, 18 % – «нейтрально». Отрицательных оценок нет. «Истинный ученый – это мечтатель, а кто им не является, тот называет себя практиком», – писал Оноре де Бальзак.

От ученого требуется умение публично отстаивать свое мнение, высокий уровень развития интеллектуальных способностей, он должен быть волевым, благородным, интеллигентным, одаренным, мудрым и образованным человеком, обладать осмотрительностью, терпением. Несмотря на то, что в наши дни профессия ученого теряет свою востребованность и престиж на рынке труда, уровень оплаты труда ученого, как правило, невысокий, студенты признают значимость этой профессии.

Таким образом, в блоке «образование» студенты положительно оценили стимулы: учитель 78 %, университет 74 %, ученый 72 %, т. е. наиболее позитивные оценки получили активные носители знания и место получения знаний. Предпочтение респондентов отдано высшему образованию, что обусловлено их местом обучения и получаемой профессией.

Библиографический список

1. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Теоретические проблемы языкового сознания. М., 2003. С. 7–17.
2. Щербатых Ю.В. Психология страха. М.: ЭКСМО, 2005. С. 51.
3. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири. [Электронный ресурс]. URL: <http://85.17.194.59/statistic> (ЭАСПС).
4. Опрос Левада-Центра выявил отношение россиян к ЕГЭ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lmagic.info/news_42.html

ВЫРАЗИТЕЛЬНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ ГРУППЫ «БИ-2»

Д.А. Соколовская

*Научный руководитель Н.Н. Бебриш, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В статье рассматриваются выразительно-изобразительные средства языка, используемые в песенных текстах рок-группы «Би-2».

Группа «Би-2» традиционно привлекает внимание слушателей разного возрастного и социального состава, музыканты работают в различных рок-направлениях и уделяют большое внимание содержанию и оформлению текстов.

Цель работы – выявление основных выразительно-изобразительные средств языка, которые используются группой «Би-2» в песенных текстах.

Основатели группы «Би-2» Александр Уман (Шура) и Егор Бортник (Лёва) познакомились в 1985 г. на сцене минской театральной студии. После того как театр был закрыт, решили заняться музыкой, образовав группу «Берег истины». В 1991 г. Александр Уман (Шура) и Егор Бортник (Лёва) переезжают в Израиль, так как постсоветская Беларусь не обещала никакого светлого будущего молодым, полным творческой энергии и жажды приключений музыкантам. Так началась новая эра группы «Берег истины – 2», т. е. сокращенно «Би-2».

Материалом для исследования явились 90 песенных текстов.

Анализ материала показал, что группа «Би-2» часто обращается к прецедентным текстам. Например, в таких песнях, как: «Невероятная история» (2004 г.) – обращение к Мифам Древней Греции (Миф о Сизифе), «Полковнику никто не пишет» (2000 г.) – обращение к одноименной книге Габриэля Гарсиа Маркеса «Полковнику никто не пишет», «Феллини» (2001 г.) – отсылка сразу к двум книгам «Снега Килиманджаро» Эрнеста Хемингуэя и «Костанцо Костантини» Федерико Феллини, «Волки» (2001 г.) – обращение к стихотворению Михаила Юрьевича Лермонтова «Бородино», «Макондо» (2006 г.) – обращение к книге Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», «Он плохо кончил» (2006 г.) – обращение к роману Энтони Берджесса «Заводной апельсин», «Муза» (2009 г.) – отсылка к трагедии Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта», «Её глаза» (2010 г.) – мотивы 130-ого сонета Уильяма Шекспира, «Над пропастью во ржи» (2014 г.) – отсылка к одноименной книге Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и др.

В одном из интервью вокалист группы Александр Уман (Шура) сказал: «На все песни, как правило, влияют книги. Еще кинематограф, есть, конечно, впечатления о жизни. Но книги – такая бесценная копилка, из которой можно постоянно что-то полезное брать и использовать. Так что читайте, читайте... В творчестве очень часто все «тырят» друг у друга – ну так, понемножку. Посмотрел фильм хороший – фраза понравилась, взял – включил эту фразу в песню, кому-то понравилась песня – снял по ее мотивам фильм. Почитал любую книжку – и фраза появилась у нас в песне».

В песенных текстах группы «БИ-2» используются такие выразительно-изобразительные средства языка, как метафора, эпитеты, синонимия и антонимия, фразеологизмы, умолчание и повторы.

Метафора – самый распространенный и значимый троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений. Метафора содержит в себе сравнение, но передает его особым образом: путем создания семантической двойственности слова или выражения. Два плана значения при этом теснейшим образом связаны между собой, но сами сравниваемые явления нередко очень далеки друг от друга, принадлежат разным смысловым сферам.

Метафора опирается на внешнее и на глубинное сходство явлений, единство их функций, однотипность впечатлений (зрительных, слуховых и др.). Сходство может быть реальным, но может и приписываться, придумываться.

Метафоричность употребления является одной из возможностей создания экспрессии, т.к. она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом.

В данных исследуемых песенных текстах присутствует 4 вида метафоры:

1. Резкая метафора представляет собой метафору, сводящую далеко стоящие друг от друга понятия:

– «Счастье с оттенком отчаяния» (Би-2 – Три сантиметра над землей (2014г.))

– «**Сердце в петле** зашифрованных лент

Тайной любви выдаст пароли» (Би-2 – Сокол (2001 г.))

2. Стёртая метафора или общепринятая метафора, фигуральный характер которой уже не ощущается.

– «**Запах южной грозы** и лоза винограда» (Би-2 – Скандал (2010г.))

– «Спите спокойно, **белые ночи**

Здравствуй, мой **черный день**» (Би-2 – Черный день (2010 г.))

3. Метафора-формула близка к стёртой метафоре, но отличается от неё ещё большей стереотипностью и иногда невозможностью преобразования в нефигуральную конструкцию.

– «**Глупая пуля** вдруг поумнела,

Выбрать из двух на излёте успела» (Би-2 – Гонка за жизнь (2011 г.))

– «Ветер приносит с утренней почтой тонны **дурных вестей**» (Би-2 – Черный день (2010 г.))

4. Развёрнутая метафора — это метафора, последовательно осуществляемая на протяжении большого фрагмента сообщения или всего сообщения в целом.

– «**Я верю отчаянно в самые тёплые страны,**

Где ветер от нежности шепчет признания в любви,

И мягкой с травой зарастают рваные раны,

И тлеет огонь, и чадит никотином в груди» (Би-2 – Реки любви (2010 г.))

– «Слепая ночь пусть как прежде

И растворяется, как сон,

И откликается все реже

На семьдесят своих имен» (Би-2 – Время (1998 г.))

На сегодняшний день существует много классификаций, систематизирующих метафоры на основе различных принципов. Мы будем опираться на структурную классификацию метафор. В структуру метафоры входят два компонента: «слово-параметр (метафоризируемый компонент словосочетания, слово в переносном значении) и слово-аргумент (опорное слово, семантически ключевое слово)». Примером структурной классификации, основанной на наличии или отсутствии опорного слова, является классификация Ю.И. Левина, который выделяет:

1. Метафоры-сравнения – описывают объект, прямо сопоставляя его с другим объектом. Такие метафоры всегда двучлены, причем второй член метафоры стоит в р.п. и может трансформироваться в сравнение.

– «**Я накапливал звуки и сны**

Называл это **белый джаз**» (Би-2 – Никто не придет (2000 г.))

– «Слов немая стая просто исчезает» (Би-2 – Песок (2004 г.))

– «Сделан из хрупких пружин

Твой заводной апельсин» (Би-2 – Он плохо кончил (2006 г.))

– «Делаю шаг в слепую бездну

Нервной струной дрожит канат» (Би-2 – Смертельный номер (2009 г.))

2. Метафоры-загадки – описываемый объект либо назван именем другого объекта, либо описывается перифрастически.

– «Я видел как впереди точит косу *старуха-любовь*» (Би-2 – Никто не придет (2000 г.))

– «*Скатерть асфальта, небес парусина,*

Летучие мыши хотят керосина» (Би-2 – Моя любовь (2006 г.))

– «*Пять часов утра, спит река-сестра*» (Би-2 – Черная река (2009 г.))

– «*Повелитель молний желание исполнит*» (Би-2 – Тесла (2009 г.))

3. Метафоры, приписывающие объекту свойства другого объекта.

– «*Имена слепых поколений*

Никого за собой не зовут» (Би-2 – Тени (1998 г.))

– «*Под беспризорными дождями*

Уже не ясное совсем» (Би-2 – Для нас (2004 г.))

– «*А от смеха губы в трещинах*» (Би-2 – Ёлочный сок (2001 г.))

– «*Какой чудесный день, моя струится лень*

На грани просветления» (Би-2 – Шамбала (2009 г.))

Следуя принятой классификации, мы видим, что у группы «Би-2» больше всего метафор-сравнений и метафор, приписывающих объекту свойства другого объекта, и в меньшей степени метафор-загадок. В анализируемых песенных текстах преобладают резкие и развернутые метафоры.

Таким образом, нами были проанализированы частотные модели метафор, встретившихся в текстах рок-группы «Би-2». В ходе исследования мы пришли к выводу, что важную роль в восприятии текста рок-поэзии играют метафоры – один из самых сильных и ярких по выразительности и образным возможностям тропов. Они воздействуют на эмоции читателя или слушателя, вскрывая дополнительные оттенки смысла, выражая авторское отношение, создавая зрительные образы.

Библиографический список

1. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 206–208.
2. Энциклопедический словарь-справочник: Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова/ М.: Наука, 2009. С. 176–178.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. М.: Рольф, 2001. С. 134–135.
4. Левин Ю.И. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация // Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1969. Вып. 236. Ч. IV. С. 290–305.
5. Клюев Е.В. Риторика Инвенция. Диспозиция. Элокуция: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2001. С. 217–222.

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ВЛАДИМИРА ЖИРИНОВСКОГО)

Ю. Устинович

*Научный руководитель И.В. Ревенко, канд. филол. наук, доц.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В связи с бурным развитием политической жизни в России существует необходимость изучения речи политических деятелей. Оценочная лексика – неотъемлемый компонент речи. В процессе деятельности человек познает мир, качества, свойства вещей и оценивает их как хорошие или плохие, приятные или неприятные, полезные или бесполезные и т.д.

Категория оценочности описывается в работах Г.Ф. Аглетдиновой, М.Д. Арутюновой, Л.М. Васильева, Е.М. Вольф. В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой оценка определяется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п., т. е. как одна из основных частей стилистической коннотации» [2, с. 305]. По определению Е.М. Вольф, «оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [3, с. 5].

Место оценочного компонента в структуре значения слова, способ его представления могут быть различными. Оценочное значение может составлять основное лексическое содержание предиката (*хороший, плохой, бесподобный, противный, очаровательный*) или являться одним из составляющих компонентов семантической структуры (*кляча, барахлить (о моторе, машине)*). Сема оценочности может занимать разные позиции в семной структуре, и в соответствии с этим она выполняет различные функции: входит в денотацию или в коннотацию [1, с. 78].

Высказывания, содержащие оценочный компонент, весьма разнообразны. Оценочными являются не только те из них, где встречаются собственно оценочные слова хорошо / плохо, но и многочисленные виды сообщений, куда входят слова или выражения, включающие оценочную сему как один из элементов своего значения: *Ты написал интересную, талантливую, увлекательную, замечательную книгу* (оценочный смысл «хорошо»), *Ты написал нудную, бездарную книгу* («плохо») [3, с. 163].

В лингвистике выделяются различные средства выражения оценочности: лексические, фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и экстралингвистические. Все эти средства используются не только изолированно, но и выступают в совокупности [4, с. 93]. Анализируя речь политика, мы более подробно остановимся на лексической и фонетической ее сторонах, т.к. категория оценочности отражается в них наиболее ярко.

Объектом исследования была выбрана речь Владимира Жириновского. Как известно, политик использует различные средства выразительности, его речь яв-

ляется образной и экспрессивной, а значит, она представляет интерес для лингвистического анализа.

На **фонетическом уровне** отмечаются следующие особенности интонации: *10 лет назад был Ельцин, до этого Горбачев, сейчас – вообще Медведев* [6, вып. № 47] – политик выделяет в речи слово «вообще», указывая на безысходность ситуации. Кроме того, Жириновский использует интонацию кавычек: *Их министр обрушивает все финансы страны, а Явлинский – чистенький* [6, вып. № 43]. В речи отмечается большое количество восклицательных предложений, а также зачастую присутствует интонация агрессии.

На **лексическом уровне** речь Владимира Жириновского достаточно разнообразна: он использует общеупотребительную лексику: *Мы хотели найти возможность быстрее освободиться* [6, вып. № 47]; просторечную, сниженную лексику: *Че вы американцам деньги даете – это предательство!* [6, вып. № 60]; *На выборах побеждает жулье, побеждает криминал; ЛДПР чиста! Любого подлеца, негодяя сдадим!* [6, вып. № 43]; *мы хотим унитарное государство, мы хотим мощную промышленность, хотим возродить деревню и бороться с реформаторами, которые по иностранным рецептам замучили нашу страну; ваш Артемьев сегодня завалил антимонопольную службу* [6, вып. № 43]; *вы подымали протест против фальсификации выборов?* [6, вып. № 91].

Отметим, что речь политика не лишена выразительности. Он любит употреблять метафоры (*золотые статуи, золотой мальчик, это робот – Мишка Прохоров*), перифразы (*православная страна – Россия, мэр Москвы – Лужков*), оксюмороны (*горькая радость*), олицетворение (*страна умирала*). Кроме того, частотны речевые повторы и однородные члены предложения. В его речи наблюдается использование синекдохи: *Никогда мы не будем голосовать, чтобы хоть кто-то из «Яблока» был министром. Ни одного явлинского, сто черномырдяных* [6, вып. № 43].

Жириновский оригинален в своих речевых формулировках, которые потом становятся крылатыми: *«мама-русская, папа-юрист»*. Отмечается употребление риторических вопросов: *Вы подлец! У вас совесть есть?* Кроме того, Владимир Вольфович является автором неологизмов: *По всем каналам (телевизионным), зазомбировали, задибилизировали, по всем каналам – одна и та же гадость* [6, вып. № 49].

В речи Владимира Жириновского доминируют отрицательные оценочные лексемы. Наиболее часто политик использует следующие оценочные слова: *коррупция (коррупционный, коррумпированный, коррупционер), хороший, бандит, плохой, мошенник (мошенничество), рухнуть, подлец, негодяй, коммунист, мафия, преступный, обманывать, ненавидеть, бомж (бомжевать), сильный*. Лексемы употребляются как в прямом значении: *Вам дадут квартиры, гостиницы, будут платить хорошую зарплату, но за счет того, что снова и снова будут ограблять нашу страну* [5, вып. № 158], так и в переносном значении с оттенком иронии: *А вы все говорите: «Европа – идиоты, только мы одни хорошие»*. *Вы здесь вот собрались, кучка недобитых коммунистов, только вы хорошие* [5, вып. № 154].

Примеры использования **языковой игры** также встречаются в речи данного политика: *Вы просите модель, чтобы она была для вас симпатичной* (о моде-

ли государства и экономики); *кто поддерживает Путина? Друг Миронов и подружка Прохоров*. Языковая игра способствует более точной и оригинальной передачи мысли.

Среди **прецедентных феноменов** можно отметить отсылки Владимира Жириновского к художественным текстам, к цитированию политиков: *Поменяйте работу, Геннадий, сдайте ваш театр, вы его сами подожгли, хватит с вас в кремле, уходите. Ваша ниша – быть кассиром в тихой бане*. (С. Черный, трагедия «К вопросу о «кризисе современной русской литературы»»). При помощи данного высказывания политик намекает Геннадию Хазанову, что он занимается не своим делом. Имена литературных героев или исторических лиц фигурируют в речи в качестве символов определенных человеческих свойств: *В. Абакумов* – воля, стойкость; *С. Милошевич* – патриотизм.

Следует отметить, что нейтральные в стилистическом отношении слова в речи Жириновского приобретают оценочность. Например, ЛДПР, как правило, имеет значение «хорошо», коммунисты, революционеры – «плохо». Кроме того, отрицательное значение всегда имеет имя и фамилия оппонента в споре, как и его соратников: *с такими как Миронов, Зюганов и Прохоров мы будем катиться в катастрофу* [6, вып. № 49].

Таким образом, речь Владимира Жириновского достаточно разнообразна. Что касается фонетических особенностей, он использует богатый спектр различных интонационных конструкций. Владимир Жириновский активно использует оценочную лексику в своей речи (которая преимущественно носит отрицательный характер), а также приписывает оценочность стилистически нейтральным словам. В основном оценка носит эмоциональный характер: *мы живем в режиме 41-го года, поэтому я вас и ненавижу, юмористов; Ты подлец и негодяй, тебя рвать на части нужно! Подонок, преступник!*, реже – рациональный: *раньше мы видели, как новые молодые артисты выступали* [6, вып. № 122].

В речи Жириновский использует общеупотребительную, официально-деловую, сниженную и просторечную лексику. Политик использует различные средства выразительности, а также употребляет фразеологизмы и их элементы: *и вот вы принесли чушь, детский лепет* [6, вып. № 43]; *все козни из Кремля* [6, вып. № 38]. Он высказывает напрямую свою точку зрения по всем вопросам, не стараясь смягчить категоричность используемых оценочных выражений.

Библиографический список

1. Аглетдинова Г.Ф. О соотношении оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1996. С. 76–83.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 228 с.
4. Родионова С.Е., Родионова А.Е. Эмоционально-оценочное значение пренебрежительности и средства его выражения в современном русском языке // Исследования по семантике. Сборник научных статей. Уфа, 1996. С. 84–96.
5. Ток-шоу «К барьеру». Вып. № 122, 154, 158.
6. Ток-шоу «Поединок». Вып. № 38, 43, 47, 49, 60, 91.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ХЛЕБ» КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЗНАЧЕНИЯ ДАННОГО СЛОВА

Е.В. Устьянцева

*Научный руководитель С.П. Васильева, д-р филол. наук, проф.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Ассоциации имеют большое значение в развитии и формировании семантической структуры слова, ее осмыслении. Свободный ассоциативный эксперимент является одним из способов выявления ассоциативных полей культурных и национальных образов, представленных в языковой картине мира. Он фиксирует актуальное для человека психологическое значение слова, очевиднее проявляет отличие его реальной семантики от значения, представленного в словаре, выявляет пространство ассоциирования, которое чаще всего выходит далеко за границы словарных статей и представляет психическую реальность «живого» слова.

Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, который заключался в том, что испытуемым предлагалось отреагировать на слово «хлеб» таким количеством ответов, которое они успеют воспроизвести за одну минуту. Место проведения ассоциативного эксперимента г. Сосновоборск. Количество испытуемых – 163 человека в возрасте от 11 до 63 лет, среди них учащиеся и педагоги школ № 3 и 4, медицинские работники городской поликлиники.

Цель данного фрагмента исследования – выявление возможности расхождения между психологической реальностью слова «хлеб» для носителей языка и представлением содержания данного слова в словарной статье на основе сопоставления данных ассоциативного эксперимента со словарями ассоциативных норм XX и XXI вв.

Всего реакций на стимул «хлеб» 510.

Формальная структура ассоциативного поля «хлеб» представлена 99 существительными, 18 прилагательными, 1 наречием и 4 словосочетаниями. Смысловая структура определяется ядром, околядерной и периферийной зонами.

Наиболее частотными реакциями на слово-стимул «хлеб» являются: еда – 83; вкусный – 34; пшеница – 25; мягкий – 23; пшено – 17 (скорее всего, произошел подмен понятий «пшено – пшеница»); белый – 14; мука, корочка, суп – 13; поле, всему голова – 12. Именно эти ассоциации являются ядром ассоциативного поля «хлеб» и свидетельствуют о первичном представлении сибиряка о хлебе как о самом сытном и полезном пищевом продукте. Хлеб – растущая в поле пшеница, из которой изготавливается мука, идущая на выпечку такого продукта.

Среди менее распространенных реакций можно выделить следующие: свежий, зерно – 10; черный – 9; тесто – 8; батон, кушать, солнце – 7; бутерброд – 6; рожь, жизнь – 5, голуби, буханка, мельница, Россия, пища, деревня, черствый, запах, колбаса, молоко, выпечка, горячий, теплота – 4; мякиш, птицы, магазин, булка, голод, теплый, съедобный, небо, аромат – 3; квас, полезный, сгущенка, кра-

сивый, серый, хорошо, питание, золото, труд, насущный, ржаной, соль, работа, нива, рабочие, ужин, пышный, семья, каравай, бородинский, дрожжи, нежность, святость – 2.

Итак, околядерная зона ассоциативного поля «хлеб» выражена реакциями, свидетельствующими о представлении о хлебе как о зерне, из которого изготавливается мука. Из муки замешивается тесто, и выпекается пищевой продукт в виде изделия какой-либо формы (батон, каравай, бородинский). Встречаются ассоциации, связанные с представлением о хлебе как злаке (нива), заработке (работа, рабочее), самом важном и дорогом (жизнь, Россия, золото, насущный). Околядерная зона ассоциативного поля «хлеб» также представлена реакциями, в которых реализуется основное значение слова «хлеб» (пища, ужин, питание).

Число единичных реакций составило 59. Среди них: темный, круглый, ростки, семя, столовая, кухня, сметана, стол, помощь, картошка, икра, ценность, финансы, кормилец, доступный, хозяйство, спасение, история, карточки, завтрак, пекарня, кусок, крошки, обед, вода, кормить, крупа, огонь, молот, мир, народ, русские, добро, горчица, горбушка, пирожок, традиция, спасение от голода, завод, воспитание, здоровье, богатство, колос, детство, пашня, пекарь, крендель, калач, земледелец, достаток, колосья, дом, Ленинград, жито, благо, заработок, пропитание, жить на хлебах, добывать хлеб – 1.

Сравним набор смыслов ассоциативного поля «хлеб» со значениями слова «хлеб». 1. Хлеб – пищевой продукт, который выпекают из муки. *Ты только попробуй, какой вкусный хлеб!* 2. Хлеб – пищевой продукт из муки в виде изделия какой-нибудь формы. *Ставить хлебы в печь.* 3. Хлеб – зерно, из которого делают муку, идущую на выпечку такого продукта. *Надо было прикинуть места для сыпных пунктов, куда можно было бы хлеб свозить.* (Фурманов). 4. Хлеб – растение, из зерна которого изготавливается мука и крупа. *За речкой на другом берегугнулись и тихо волновались под ветром созревающие хлеба.* (Короленко). 5. Хлеб – тесто, приготавливаемое для выпечки. *Замесить хлебы. Хлебы поднялись.* 6. Хлеб – об основном пищевом продукте (какой-либо страны, местности). *Финики – хлеб пустыни. Картошка – второй хлеб.* 7. Хлеб (перен.) – пропитание, иждивение (прост.). *Заработать на хлебах.* 8. Хлеб (перен.) – средство к существованию; заработок. *Мой учительский хлеб.* 9. Хлеб – о самом важном, необходимом для существования кого-, чего-либо. *Уголь – хлеб промышленности. Эти пьесы – насущный хлеб театра.*

Сопоставив реакции ядерной зоны ассоциативного поля «хлеб» со значениями данного слова, представленными в современных толковых словарях русского языка, можно увидеть, что языковое сознание сибиряков включает значения «пищевой продукт», «зерно» и «то же, что злак», именно эти значения являются для информантов первичными и составляют основу русской ментальности.

Реакции околядерной зоны ассоциативного поля «хлеб» отражают все значения данного слова, зафиксированные в современных толковых словарях русского языка, исключая значения «пропитание, иждивение» и «об основном пищевом продукте (какой-либо страны, местности)», встретившиеся, однако,

в реакциях-ассоциациях периферийной зоны исследуемого ассоциативного поля (картошка, помощь).

Таким образом, все значения слова «хлеб», зафиксированные в современных толковых словарях русского языка, нашли отражение в языковом сознании сибиряков, однако, основу их языковой картины мира составляют именно значения «пищевой продукт», «зерно» и «то же, что злак».

Далее сравним набор ассоциаций ядерной зоны с реакциями в Электронном ассоциативном словаре Приенисейской Сибири (ЭАСПС) (2014), «Словаре ассоциативных норм русского языка» А.А. Леонтьева (САНРЯ) (1967–1973) и «Русского ассоциативного тезауруса» (РАТ) (1988–1997).

Ядерная зона реакций на стимул «хлеб» в сравнении

Реакции на стимул «хлеб» по ассоциативному эксперименту, % (2013)	% в ЭАСПС	% в САНРЯ (1973)	% в РАТ (1997)
Еда – 16	11	1,1	1,6
Вкусный – 7	Вкусно – 2	Вкусно – 2,52	3,6
Пшеница – 5	–	1,89	0,6
Мягкий – 4,5	–	1,26	3,8
Пшено – 3,3	–	–	–
Белый – 2,7	7	5,98	4,4
Мука – 2,5	5	0,31	–
Корочка – 2,5	–	Корка – 0,16	–
Суп – 2,5	–	–	–
Поле – 2,4	–	1,26	1,3
Всему голова – 2,4	5	–	2,9

Первые позиции в САНРЯ занимают реакции «белый» и «вкусно», в РАТ – «белый», «мягкий» и «вкусный», в которых реализовано основное лексическое значение слова «хлеб». По результатам нашего ассоциативного эксперимента самой частотной оказалась реакция «еда», в которой также реализовано основное лексическое значение слова, и эта же реакция оказалась самой частотной в ЭАСПС. Однако восприятие образа хлеба все-таки разное. «Хлеб белый, вкусный, мягкий» – говорится как о любимом, значимом продукте питания, чувствуется положительное отношение к представленному образу. И «хлеб – еда» – сказано, как о ежедневной пище; эмоционально-оценочная составляющая никак не выражена.

Разное отношение информантов к образу хлеба, на наш взгляд, можно объяснить, во-первых, участием в ассоциативном эксперименте большого числа учащихся 11–16 лет, в то время как, например, данные САНРЯ были получены в результате анкетирования студентов 17–25 лет [3]. В одной из своих работ мы уже делали выводы о том, что подростки 11–16 лет дают нейтральную оценку данному образу и с хлебом связывают в основном представление о еде. Но чем больше был возраст испытуемых, тем положительнее было их отношение к хлебу. Концепт «хлеб» является наиболее значимым для людей старше 45 лет, в их язы-

ковом сознании закрепились отношение к хлебу как к чему-то главенствующему, первостепенному, основополагающему. С хлебом связывают представление о жизни, матери, семье, Родине [2, с. 20].

Во-вторых, рассматривая отношение информантов к образу хлеба, следует учитывать, что ассоциативные опросы проводились с большими временными интервалами (1973 – 1997 – 2013 – 2014). Все дальше от современного человека уходят отголоски блокадного Ленинграда и голодного послевоенного времени, все меньше молодое поколение понимает, как много значили 125 г хлеба, составляющие суточный паек ленинградца в 1942 г.

И, наконец, в-третьих, возможно и особое, другое отношение к хлебу жителей Приенисейской Сибири.

Полученное в результате эксперимента ассоциативное поле слова «хлеб» – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент концептосферы, отраженный в сознании носителей языка.

Расхождения между психологической реальностью слова «хлеб» для носителей языка и представлением содержания данного слова в сводной словарной статье на основе сопоставления данных ассоциативного эксперимента со словарями ассоциативных норм XX и XXI вв. не выявлены. Даже факультативные значения слова «хлеб» нашли отражение в ассоциациях-реакциях информантов, войдя в околядерную и периферийную зоны ассоциативного поля «хлеб» (только по результатам нашего ассоциативного эксперимента; реакции на стимул «хлеб» в САНРЯ и РАТ в иерархической последовательности не рассматривались). Под факультативными значениями слова в рамках данной статьи понимаются лексические значения слова «хлеб», отраженные только в одном из современных толковых словарей русского языка. Это значения «об основном пищевом продукте (какой-либо страны, местности)» («Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой), «тесто, приготавливаемое для выпечки» и «о самом важном, необходимом для существования кого-, чего-либо» («Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова).

Библиографический список

1. Васильева С.П. Ассоциативное поле «дом» в русском языковом сознании жителей Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск. 2014. № 2 (28). С. 107–111.
2. Устьянцева Е.В. Экспериментальные методики исследования концептов // Изучение языкового сознания жителей Приенисейской Сибири: материалы круглого стола. Красноярск, 2013. С. 18–21.
3. Черкасова Г.А. Русский ассоциативный сопоставительный словарь. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>
4. Русский ассоциативный тезаурус. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>
5. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>
6. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири (ЭАСПС). URL: <http://react.ftn24.ru/statistic>

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА
XVI Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ
Материалы конференции филологического факультета

Красноярск, 29 апреля 2015 г.

Электронное издание

Редактор *А.П. Малахова*
Корректор *Ж.В. Козуница*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 10.11.15.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 8,75